

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

ХАМИТ
В ПОГОНЕ
ЗА БАНДИТОМ

Сакен
Сейфуллин

Хамит
в погоне
за бандитом

РАССКАЗЫ

Издательство «Жазушы»
Алма - Ата - 1971

СОДЕРЖАНИЕ

Айша. Перевод Г. Шариповой	3
В вагонах смерти атамана Анненкова. Перевод А. Бегишева и Б. Родневича	55
Хамит в погоне за бандитом. Перевод И.Шеголи- хина	86

Айша

Сейфуллин, Сакен.

С 28 *Хамит в в погоне за бандитом.*

Рассказы. Алма - Ата, «Жазушы»,
1971.

96 с. 284000 экз. Цена 18 коп.

Сакей Сейфуллин - крупный писатель, внесший значительный вклад в развитие казахской советской прозы. Участник гражданской войны. Сейфуллин показал в своих рассказах героизм, стойкость и выдержку людей, беззаветно преданных делу революции.

7-6-3
317 - 71

Каз 2

Тысяча девятьсот пятнадцатый год. Август - последний месяц знойного лета.

Прошел сильный дождь. Солнце скрылось за холмами, поросшими кустами карагана. Беспорядочные гряды туч бороздят небо. Голубизна неба похожа на голубизну морской воды, а тучи - на льдины.

Лошади, овцы, коровы и верблюды, промокшие под дождем, теперь мирно пастутся среди кустов карагана позади пяти аулов, расположенных в ложбине.

Все живое наслаждается прекрасным воздухом, очищенным дождем.

И хотя еще только начало августа, трава и кустарники успели пожелтеть. Теперь же, напившись, посвежели, помолодели и они.

Дует легкий, еле приметный ветерок, похожий на тонкую шелковую ткань, нежно облегающую тело.

Ложбина окружена высокой грядой холмов. Пересекая ложбину, течет ленивая Есень. На берегу ее на

возвышенности видны три гробницы с высокими, как у мечети, минаретами. Минареты днем будто колышутся в знойном мареве, но с наступлением прохлады резко проступают на фоне бледного неба.

Неожиданно оттуда, где паслись стада, послышались возбужденные голоса. В вечернем прохладном воздухе они раздаются явственнее; чем в полуденный зной.

- Кех!.. Кех!.. Ак-кус!.. Кех, кех, кех! - кричал кто - то.

Показались несколько верховых, что есть мочи гнавших коней. Навстречу им скакал всадник на белом коне.

Парод высыпал из юрт. Загородившись от солнца ладонями, все внимательно следили за скачущими. Собаки всех аулов, сорвавшись с мест, помчались к стаду. Несколько собак из среднего аула обогнали товарок. Одна из них, белая гончая, мчалась с быстротой падающей звезды.

Из аула, расположенного в западной части ложбины, выскочил джигит на рыжем коне. Вскоре он настиг всадников.

Черная кудлатая собака, приютившаяся у очага маленькой закопченной юрты западного аула, безразлично посмотрела на скачущих с гиком всадников, перевела взгляд на женщину в грязном кимешеке, в заплятанной одежде с рванными рукавами, раза два тявкнула и вернулась на свое место.

Аул, расположенный в западной части ложбины, откуда выехал всадник на рыжем коне, был аулом Кадыра. Он состоит из пяти юрт. В нем нет ни одного чужого жилища. Покосившаяся юрта с единственной целой кошмой - остальные все в заплатках - принадлежит самому Кадыру. Рядом с ней стоят две маленькие прокопченные юрты, принадлежащие старшим сыновьям Кадыра Сенбаю и Жанали. Две другие, не менее заплатанные, - его свата.

Позади юрты Сенбая сидела группа собеседников. Невдалеке от них стояли стреноженные кони. Сидящие повернулись на шум, донесшийся со стороны пасущегося стада. Один из них поспешно взнуздal коня и помчался на шум. Вскоре он скрылся за бугром.

Из юрты Кадыра вышел человек в широкой одежде, сел на одного из коней и поехал к аулу, расположенному на западе ложбины.

Из юрты Жанали вышла группа девушек и молодых. Переговариваясь и посмеиваясь, они направились в левую сторону аула к кустам карагана. Перед ними, перегоняя друг друга, с визгом и смехом бежала толпа ребятишек.

Широкие подола платьев девушек задевали землю, поблескивали шолпы, вплетенные в длинные косы, колыхались на шапочках уки¹, переливались зеленые, красные шали молодых, белые кимешки. Красные, зеленые, голубые, черные бешметы, камзолы, чапаны напоминали яркие весенние цветы. Впереди всех лебедками плыли две молодухи с кумганами².

Мужчины, сидевшие позади юрты Сенбая, внимательно смотрели вслед женщинам. Один из них, смуглый, рябой, чернобородый казах в высоком тумаке из белой мерлушки, старательно выискивал кого-то в толпе женщин. Сидевший против него жигит проследил взгляд рябого и усмехнулся.

Пристальный взор рябого напоминал взгляд голодного беркута, в осеннюю стужу высматривающего добычу.

«Ишь, как заглядывается на Айшу, - подумал жигит, - видимо, на богатство свое надеется, хоть и похож на пятнистую щуку из затхлой заводи».

Женщины уселись под прикрытием кустов карагана. Одни, засучив рукава, стали быстро умываться водой, принесенной в кумганах, другие поблескивая серебряными браслетами на оголенных запястьях достали из карманов куски душистого мыла и умывались, распуская густую белую пену. Остальные шутливо пререкались в ожидании своей очереди.

Айша умылась, утерлась платком и села, оглядываясь по сторонам, будто впервые видя окружающее. Взгляд ее ни на чем долго не задерживался. Только три минарета гробниц на берегу Есени привлекали ее взор больше, чем все остальное. Они напомнили ей рассказ Кантбалы о том, как она, убежав из дома мужа, нашла приют в нише такой высокой гробницы.

«Видно, в тяжелую минуту, когда некуда деться, и гробница - убежище», - подумала Айша.

Женщины, все так же перебрасываясь шутками,

¹Уки - султаны из перьев на девичьих шапках.

²Кумган - кувшин медный или алюминиевый для омоений.

направились обратно в аул. Только Айша осталась по-прежнему печальной, глаза ее были наполнены тоской. Закутавшись в черный сатиновый чапан, она молча шла в толпе женщин.

Печальное лицо, плотно сдвинутые черные соболиные брови, грустные глаза говорили о большой заботе. Айша никогда не была хохотушкой, и поэтому незнакомому человеку трудно было заметить ее грусть и озабоченность. Лишь в сердца некоторых женщин вкрадывалась жалость к девушке. Но они не выдавали своих чувств и, окружив Айшу, пытались развеять ее.

Женщины дошли до юрты, из которой выходили, и скрылись в ней.

Всадники, которые недавно пересекли ложбину, сейчас возвращались обратно. Белая гончая и рыжий конь шли рядом.

Айша была младшей дочерью Кадыра.

Шакир, сын Боранбая из рода Каракесек, в поисках «подходящей девушки» обехал несколько аулов. Прослышав про Айшу, он в сопровождении посланца зятя своего, бая Бименде, приехал в аул Кадыра и вот уже два дня жил здесь, сватая приглянувшуюся девушку.

В данном, не совсем обычном, случае не предвиделось тайных встреч нареченных, столь распространенных в казахском быту. Жених собирался увезти невесту к себе и выплатить калым провожатым невесты.

Шакир был вдовцом, и ему было некогда затягивать сватовство. В его опустевшем доме нужна была женщина. Он переговорил с Кадыром и его сыновьями, а так же с братьями Кадыра и добился согласия, - он получает Айшу за тридцать голов крупного скота.

В столь быстром согласии Кадыра в равной мере имели значение как богатство Шакира, так и посланец бая Бименде.

Если бы Шакир был молодым жигитом, не обремененным детьми, он сосватал бы другую невесту, он с пышной свадьбой взял бы в жены дочь знатных родителей. Но богатые, влиятельные люди не хотели отдавать дочерей за рябого, с общипанной бородкой вдового Шакира.

Сидевшие позади юрты Сенбая и были Шакир и его спутники. Чернобородый казах, сидевший впереди всех, - посланец бая Бименде... Рыжий конь, на котором жигит вперегонки с белой гончей помчался навстречу всадникам, был конем Шакира.

Кадыр зарезал барана, созвал старейших всех пяти аулов, потчевал их мясом и кумысом и получил их благословение. На пир приехали старшина Сулейман и мулла Бекир. И только двух средних сыновей Кадыра не было при решении этого вопроса. Один из них, Сапаргали, работал на Нильденском заводе, другой, Абиль, был конским пастухом у своего богатого дяди.

Кадыр все же был доволен тем, что в один день стал обладателем тридцати голов крупного скота. Правда, ему жаль было свою дочь, но получить неожиданное богатство было слишком заманчиво.

Когда спустились сумерки, четверо жигитов вышли из юрты, в которой находился жених, и направились к той юрте, где были женщины. Один из жигитов нагнул тумак из белой мерлушки, крытый пестрым шелком, на самые глаза, оттопырил губу, куда заложил насыбай, смачно плюнул и лихим перебором прошелся по струнам маленькой белой домбры.

Один из жигитов был жениховым дружкой, трое остальных - жигитами этого аула.

- Вот, кода¹, - сказал один из жигитов, - как придем к девушкам, споешь нам песню.

- Надеюсь, на этот раз заступитесь за меня, - ответил куда. Все вошли в юрту.

- Приветствуем! Приветствуем! Здоровы ли? - говорил каждый, переступая порог.

- Э-э, милости просим! Милости просим! Без вас никак не удастся затеять увлекательную игру. Пожалуйста, - в тон им ответили несколько молодых.

В группе девушек произошло легкое движение.

- Прошу, проходите... чего стоите, - продолжала одна из молодых.

Жигит с домброй, в тумак из белой мерлушки ловко сплюнул сквозь зубы и повернулся к товарищам:

- Ладно, если наше присутствие доставляет им удовольствие, займем почетное место. - И тут обратился к свату: - А ну, кода, пройди! Сядь рядом с нашими девушками.

Кода скользнул взглядом по девушкам, чуть подольше задержался на лице Айши.

- Можно, можно. Сядем, сядем, - гудели жигиты, рассаживаясь.

Усатый жигит, самый старший из всех, посмотрел на Айшу, на кода и сказал:

¹Кода - сват, зять.

- Надеюсь кода - мастер петь песни... Ахмет, передай ему домбру.

Ахмет, жигит в тумак из белой мерлушки, положил домбру на колени свата.

- А ну, послушаем другую песню. Послушаем ваши мотивы, кода, - сказала одна из молодых, черноглазая, румяная женщина в белом кимешеке.

Все неотрывно смотрели на свата, который неуклюже держал домбру.

- Прошу не обессудить. Я никогда не пел и не играл на домбре, - сказал сват и протянул домбру Ахмету.

- О куда, чего же ты стесняешься? Кто поверит, что спутник жениха не умеет владеть домброй? Оставь! Лучше спой! - сказал усатый жигит.

Кода смутился, покраснел, не зная, что ответить. Он действительно не умел играть на домбре.

Женщины затеяли игру «жалгыз хан». Ахмет перебирал струны домбры.

Айша сидела с опущенными глазами, не участвуя ни в игре, ни в разговоре.

- Айша, сыграй и ты, - обратился к ней усатый жигит. - Мы пришли повеселиться, и нам тяжело видеть тебя сумрачной. Спой что -нибудь!

- Правда, поиграй, повеселись с подружками, - поддержала усатого румяная молодуха.

- Если хочется вам веселиться - веселитесь на здоровье. Иль кажется вам, что у меня радость брызжет через край? - отозвалась Айша.

- И у нас она через край не переливается, мы лишь тебя хотели развеселить... Тоской делу не поможешь, ты лучше приободришься, - посоветовала другая.

- Кошке смех, а мышке смерть, Джамиля. Играйте, коли играется, - ответила Айша.

- В таком случае мы тоже не будем играть, - отстраняя домбру, сказала Ахмет.

- Нет, нет, вы играйте. На меня не смотрите. Я немного поговорю с Садырбеком, а вы продолжайте. Подойди сюда, Садырбек, — подозвала Айша усатого жигита.

Прерванная было игра возобновилась.

Айша наклонилась к жигиту и зашептала:

- Поди еще и скажи: я никогда в жизни не соглашусь выйти за сына Боранбая. Мне его богатства не надо. Сам он вдов, дом его полон сирот, лицом он не-

казист, рябой. Не могу я быть его женой. А если хотят продать меня - вот, как перед богом, говорю: нет у меня ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Они отдадут меня за вдового сына Боранбая, чтобы отделаться от меня. Я не причиняла им ни горя, ни забот до сих пор. Ступай и все, ничего не пропуская, скажи им. Если и впрямь они продали меня сыну Боранбая, я исчезну вместе с днем, который исчезает с наступлением вечера. И уж до конца дней моих не увидят они лица моего. Не забудь, передай все, что я сказала.

Глаза Айши подернулись слезами. Садырбек встал и вышел из юрты.

Женщины и жигиты заметили уход Садырбека, не укрылись от них и слезы Айши. Игра оборвалась сама собой.

- Почему вы затихли? Играйте, прошу вас, играйте, - обратилась к ним Айша.

Но игра не клеилась. Жигиты один за другим покинули юрту.

Наступил вечер. Разошлось и большинство женщин.

С Айшой остались лишь две девушки, Бибиажар и Муслима, и жена ее младшего брата.

Позднее пришла старшая невестка. Зажгли огонь. Трое ребят старшей невестки подсели к огню.

Так в вечерних сумерках, при свете маленькой лампочки сидели на кошме пять женщин и тихо, вполголоса разговаривали. До них то и дело долетали выкрики людей, загоняющих скот на котан, голоса животных.

В юрту вошла Салиха, мать Айши. Она была второй женой Кадыра. Первая жена Кадыра, мать четверых детей, умерла, он женился вторично. Салиха родила мужу нескольких детей.

Салиха считала рябого Шакира неподходящим мужем для своей дочери, но подпала под влияние сладких речей посланца бая Бименде, прельстилась возможностью быстро заполучить тридцать голов крупного рогатого скота и второй день ходила, раздираемая сомнениями.

- Почему сидите с таким маленьким огоньком?.. А где остальные? Разошлись? - спросила Салиха. Она виновато посмотрела на Айшу. Айша не изменила поникшей позы. - Рапыш, - обратилась мать к старшей снохе, - отчего ты не идешь домой?

- Успею, я только что пришла.

- Иди. И ты тоже, Рахия, - повелительно сказала Салиха.
Обе женщины ушли вместе со свекровью.

В юрту медленно вошел Садырбек и молча подсел к Айше. Айша поняла, что он не принес радостных вестей, но все же не выдержала и с волнением спросила:

- Ну как? Рассказал? Что ответили?

- Все то же, - подавленно ответил Садырбек. - Все передал, ничего не пропустил... Нет... Они крепко стоят на своем, твердят одно и то же. Детские капризы, говорят. Разве, говорят, не выдают девушку за вдовца? Когда Айша заживет в столь богатом доме, то будет сидеть, опустив руки в теплую воду. Довольно, говорят, ей упрямиться... Может, ты и сама слыхала - завтра собираются провожать. Говорят, проведем по пяти ближайшим аулам, что расположены в этой ложбине, а после полудня можно и в путь снарядить. Пусть, говорят, перестанет ребячиться...

Глаза Айши сверкнули ледяным блеском, лицо окаменело. Некоторое время сидела молча. Затем вдруг выпрямилась:

- Все одно теперь! Будь что будет.

- Все меня ругают, говорят: «Тебе следовало научить Айшу уму - разуму», - добавил Садырбек.

- Хоть и бранят тебя, но прошу - сходи еще раз и скажи одно только слово: пусть родные мои на меня не обижаются... Я прежде всего обращалась к ним с просьбой, а уж теперь пусть не обижаются. Так и скажи...

- Ладно, - безропотно согласился Садырбек и снова вышел.

Вошла Рахия, приспустила огонь. Следом за ней появилась Рапыш.

- Что приуныли, пригорюнились? Играйте, веселитесь. Завтра - провожать Айшу, - сказала она.

Рахия сидела грустная, Бибиажар и Муслима молча переглянулись.

- Почему бы не обойти родных? - заметила Бибиажар.

- Кому показать, с какими родными знакомить? - не поднимая головы, спросила Айша.

- Не говори так, - тихо заговорила Рапыш. - Вот увидишь, голубушка, станешь самостоятельной хозяйкой, полной владыкой в доме. Еще как хорошо-то будет. Конечно, теперь тяжело тебе, жалко расстаться с

родным домом, с друзьями, подругами. Слава создателю, в богатый дом едешь. Разве по нынешним временам не ценен муж по богатству?

- Не собиралась я продаться за богатство, Рапыш. Ты говоришь это лишь потому, что придаешь слишком большое значение богатству. Неужели это ты говоришь? Разве я пара рябому сыну Боранбая, вдовцу, у которого дом полон детей? Видно, и тебя богатство лишило разума.

Рапыш так и ахнула:

- Ойбой, мои желания никогда с твоими не расходились. А о богатстве жениха я говорила для твоей же пользы. Не обессудь, милая! Пойду я.

Помолчали.

- Айша, позволь нам с Муслимой спеть песню - может, рассеется тоска, - предложила Бибиажар.

- А ну, спойте, милые! - подхватила Рапыш.

- Если угодно - пойте, - разрешила Айша.

- Давайте, Муслима, споем. Не всегда придется нам быть вместе. Ведь разъезжаемся мы в разные стороны.

- Что петь будем?

- «Зулькию».

- Начинай! - сказала Бибиажар.

Муслима, кашлянув, запела:

Зачем расцветала она столько лет?

И стройной была для кого? Элди-ай!

Уж лучше бы ей не родиться на свет,

Чем слезы всю жизнь проливать, элди-ай!

Ты плакала долго, и слез больше нет.

Не плачь ты, мой светик, джаным, элди-ай!

Тягучая, грустная песня девушек была похожа на жалобу. Казалось, будто все аулы прислушиваются к ней.

Гусь раненый в омут упал, элди-ай!

А девушка с домом разлучена.

Кровь раненой птицы уносит волна,

Чужак увез девушку, элди-ай!

Ты с этим смиришься, мой светик, должна,

Не плачь, дорогая джаным, элди-ай!

К юрте стали стекаться люди. Многие слушали издали, не заходя в юрту, некоторые плакали. У многих на глазах навернулись слезы.

А песня все текла:

Кто девичьи слезы, скажи, признавал?
Кто понял рыдания ее? Элди-ай!
Как трудно подняться, упавши в провал!
Надежда - лишь воля творца, элди-ай!
Не плачь, не облегчишь ты горя слезой,
Не плачь ты, мой светик, джаным, элди-ай!

Сильные голоса двух девушек звенели в тихом вечернем воздухе. Грустная мелодия, навеянная горем, текла волной, билась, как сокол, попавший в тенета, взлетала к небу.

Подошел Садырбек с жигитами из соседнего аула, пришла группа женщин. У многих на глазах слезы...

Перед огнем сидела Рахия и, не таясь, вытирала мокрые глаза.

Айша, сгорбившись, сидела спиной к певцам и слушателям.

Жгучие слезы текли по ее щекам.

А песня плакала:

За телкою сытой все стадо гурьбой,
Морщины мои - от невзгод, элди-ай!
За деньги постылый владеет тобой.
Кто может перечить твердо? Элди-ай!
Не плачь - не облегчишь ты горе слезой.
Не плачь ты, мой светик, джаным, элди-ай!

Переливаясь, звенели слова утешения, но не могли остановить слез:

На привязи жить не желает она,
В приволье - жайляу уйдет, элди-ай!
А девушка в рабство по воле отца
Уйдет к нелюбимому, элди-ай!
Не плачь, не гневи, дорогая, творца!
Не плачь ты, мой светик, джаным, элди-ай!

В толпе молчаливых, внимательных слушателей мелькнула фигура широколицего жигита. В руках у него была камча. На ногах - старые, стоптанные сапоги, на плечах - порыжелый чекмень, подпоясанный кушаком. На голове рыжая шапка. Весь в пыли - видно, только что с дороги. Удивленным пристальным взглядом оглядел слушателей, поющих девушек и держался на сгорбленной фигуре Айши. У порога, приклонившись к кереге, опустив голову, стоял Садырбек. Наконец Рапыш заметила жениха и, наклонившись,

что-то шепнула Рахии. Рахия подняла заплаканное лицо.

А песня Бибиажар и Муслимы продолжала тревожить вечерний покой ложбины, рвалась ввысь:

Пусть щеки впадут и румянец сойдет,
Глаза пусть ослепнут от слез, элди-ай!
Но проданной быть не хочу я, как скот,
Свободу мне смерть принесет, элди-ай!
Не плачь, не облегчишь ты горя слезой,
Не плачь ты, мой светик, джаным, элди-ай!

- Абиль... Проходи сюда. Когда приехал? - дрожащим голосом обратилась к жигиту Рахия.

Но жигит только по-детски всхлипнул и отвернулся. Домашние, будто того и ждали, - заплакали открыто, не таясь.

Голос брата заставил Айшу встрепенуться.

Абиль был усыновлен богатым дядей и круглый год пас табуны лошадей. В зимний трескучий мороз, в непроглядный буран морозил он лицо, беспощадным летним солнцем палил дочерна тело. Родные дети бая росли в холе и неге. Они жили в разубранных юртах, восседали на бархатных коврах, ели казы, жирную баранину, пили прекрасный кумыс, удовлетворяли все свои прихоти.

А вот этот смуглый широкоплечий жигит дни и ночи, и в холод, и в зной пас табуны. Чем он был хуже их? Разве они внуки разных дедов? И все это из-за проклятого богатства! Если бы не богатство, разве Айшу, похожую на белую лебедь, отдали бы за рябого вдовца, обремененного детьми?

Об этом-то и плакали они навзрыд. Проклятое богатство! Проклятая бедность! Проклятая нужда!

В эту последнюю ночь четыре подруги - Бибиажар, Муслима, Салима и Айша - лежали обнявшись на большой перине в юрте старшего брата.

Вечером, после того как народ улегся, спутники жениха намекнули было женщинам на необходимость свести жениха и невесту, их поддерживали жигиты аула, по Айша не сдалась на уговоры. И куда и жених легли ни с чем.

- Айшу неволить не позволю, - твердо заявил родным Абиль, обругал посланца бая Бименде и вскочил на коня.

Было очень темно. Жанали, Айдар и Серик охраняли аул. Абиль под прикрытием ночи то и дело уезжал куда-то, возвращался и снова уезжал.

В тесной юрте с плотно закрытым тундыком¹ шептались четыре девушки.

Перевалило за полночь.

Лунный серп, похожий на серебряное блюдо с отбитым краем, перебегал от одной тучи к другой. Он мчался, как огонь по каменистой голой земле, не оставляя следа, и исчезал за пушистой тучей. Но не долго таится он в своем убежище - вновь появляется в противоположном конце, снова мчится, снова скрывается точь-в-точь как белая гончая, которая сегодня утром перебегала от одного куста карагана к другому.

Близилась заря. Девушки лежали молча, не шелонувшись, - как голубки, запутавшиеся в сетях охотника.

Перед мысленным взором Айши проплывали одно за другим воспоминания, рассказы о печальных событиях. Вспоминали рассказ Кантбалы, похожий на сказку: любила Кантбала рассказывать о пережитом.

«...Муж взял меня в младшие жены, с тем, чтобы народила я ему детей. Я быстро забеременела и принесла ребенка, но не долго жило мое дитяtko. Один за другим рождались дети и один за другим умирали. Не стало мне житья от байбише. Знаешь поговорку: «Бьют сидящего по голове, стоящего по ногам». Вот так-то. А муж мой ей не препятствовал.

И вот не вытерпела я, убежала от мужа к родным. Была весна. Род мой расположился в верховьях Сарысу. Темной ночью я одна-одинешенька отправилась искать реку Сарысу. В руках маленький курук². Берег реки местами сплошь зарос камышом, местами - голая степь. Везде множество ям, обвалившихся колодцев. Ночь весенняя, непроглядная, темная. Иду - и страшно мне. Вдруг мелькнул впереди огонек. Я направилась туда. Подошла и вижу - в степи под купой камыша сидит женщина, волосы растрепаны, грудь голая, разводит огонь.

- Кто ты? - спросила я.

¹Тундык - полог над дымоходом на юрте.

²Курук - жердь с петлей на конце, предназначенная для ловли лошадей.

Взглянула она на меня и оскалилась. Захолодело мое сердце. Тут поняла я, что передо мной ведьма, зашептала молитву и стукнула куруком о землю. И огонь и ведьма исчезли. Пошла я дальше. Глядь - опять огонек. Подошла, вижу: та же ведьма и опять огонь раздувает. Снова прошептала я молитву, куруком стукнула о землю, и снова все исчезло. И еще много раз после этого мелькал передо мной огонек, долго маячила передо мной ведьма с распущенными волосами и обвисшими грудями. Потом забрезжило утро и, как из ведра, полил проливной дождь. Я промокла до нитки, но продолжала идти вперед. Вдруг увидела впереди высокую черную башню. Подошла поближе, вижу стоят в ряд три гробницы с высокими, как пики, куполами. Испугалась я, но все же прошептала молитву и укрылась от дождя в крайней гробнице. День светлеет все больше и больше. И в свете дня все резче выступают очертания гробниц. Вся внутренность гробницы засияла белым светом. Струсила я не на шутку. А молитву все шепчу. Много сил придала она мне. Потом дождь утих. Окончательно рассвело. Я покинула гробницу и дошла до гор. Там нашла я кочевье. А оттуда добралась и до родного аула...

И еще вспомнила Айша, как несчетное количество раз убегала бледная, изнуренная Рахилия от своего мужа - тучного Ахмета. И в конце концов добилась своего - ушла от него навсегда.

Все поразились, разводили руками.

- До чего упрямая сноха, - говорил Азим.

- Обычно баба побесится, побесится да за ум берет, а эта...- поддакивал Базекен.

- Э, если баба потеряет стыд, так уж хорошего не жди, - замечал Уйткибек.

- Эх, и струхнул же я, возвращаясь с Кос-Шоки, - вставлял Кадырбек.

Вспомнила Айша последнее бегство Рахили.

...В летнюю пору, когда большинство родов перебралось на жайлау, ехал Кадырбек со стороны Кос-Шоки вдоль берега Есени и видит, как, колыхаясь в волнах миража, сливаясь цветом одежды с желтоватой степной растительностью, движется человек. Идет он пешком, и около него не видно никакого животного. Кадырбек повернул коня в его сторону. Чем ближе подъезжал Кадырбек, тем яснее становилось ему, что перед ним ребенок,

- Что же это такое? Откуда явился в этих местах ребенок? - недоумевал Кадырбек.

Неожиданно ребенок спустился в какую-то выемку и исчез из виду. Подъехал Кадырбек вплотную, смотрит - сидит ребенок, притаившись за кустами карагана, одна голова виднеется.

- Эй, бала¹, зачем сидишь здесь? Откуда ты?..

Посмотрел Кадырбек внимательнее и понял свою ошибку - перед ним был не ребенок, а молодая женщина. Оторопел Кадырбек, храпит под ним конь, косятся на кусты карагана. Плетью умиротворил коня Кадырбек, но сам успокоения не чувствует.

- Эге, что за человек? Что за диво? Иль вас кто ограбил? - Снова ударил Кадырбек коня, еще ближе подъехал. - Эй, язык-то есть у тебя?.. Почему ты прячешься? Почему не встаешь? Почему не отзываешься? - сыпал вопросами Кадырбек.

Встала женщина. Кадырбек так и ахнул: стоит женщина совершенно голая, только длинными черными волосами окутана. Прикрылась женщина руками и снова села. Слез Кадырбек с коня, подошел к ней.

Перед ним сидела молодая жена вдового Ахмета, Рахилия. Скинул Кадырбек свой чапан, протянул его женщине и, когда та прикрыла наготу, стал с ней разговаривать. Повела женщина свое горе горькое.

Оказывается, убежала она от мужа, направилась к своим родным, но нагнал ее Ахмет, избил, сорвал всю одежду и оставил в степи совершенно голую...

«Хоть и намучилась вдоволь, по все же в конце концов избавилась от грубияна Ахмета», - вздохнула Айша. Проклятое богатство! Сердца многих превратило оно в камень. Если б пожалели родные девушку, не отдали б насильно за немилую, не променяли бы на скот...

Тяжко вздохнула и Бибиажар, будто горе навалилось на нее.

Тяжкий вздох подруги больно отозвался в измученном сердце Айши.

«Интересно, как будут жить эти бедняги в дальнейшем? Нареченный жених Салимы - ловкий, умный жигит. Муслима еще не просватана. Сын Дюйсембая, что сватается за Бибиажар, ей не пара, никчемный, кажется...»

¹Бала - ребенок, дитя.

Вспомнила Айша песню, которую пела вместе с Бибиажар:

Зачем расцветала опа столько лет?
И стройной была для кого? Элди-ай!
Уж лучше бы ей не родиться на свет,
Чем слезы всю жизнь проливать, элди-ай!

Подушка Айши была мокрой от слез. «Пет, чем, подчинившись приказу отца, провести всю жизнь в слезах, в горе, лучше не жить совсем!» - решила Айша.

Пусть щеки впадут и румянец сойдет,
Глаза пусть ослепнут от слез, элди-ай!
Но проданной быть не хочу я, как скот.
Свободу мне смерть принесет, элди-ай!

«Чем плакать всю жизнь из-за бессердечности родителей и родственников, лучше уйти на все четыре стороны и умереть, как умерла сноха Кошкарбая, - думала Айша. - Могла ли она поступить иначе, бедняжка! Как может пригожая, ладная девушка быть женой косяглазого идиота, сына Кошкарбая?»

Вспомнилась горькая судьба несчастной женщины.

Сын Кошкарбая нещадно бил молодую жену, похожую на горную козочку.

Ты меня не любишь, - возмущался он.

По как козочка может любить лягушку?

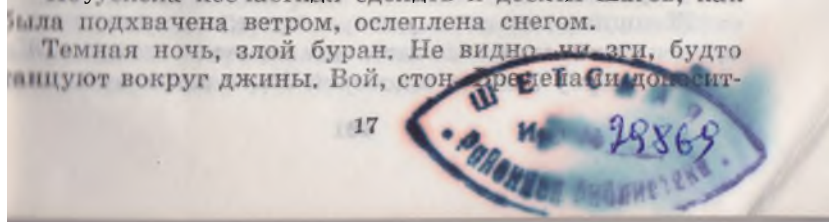
Уродец мстил за свое несчастье молодой красивой женщине. Но разве лебедь виновен в том, что поганый гриф уродился с мутными глазами и скошенным туловищем?

...Была суровая зима. Крутилась, бесновалась злая вьюга. Она бушевала, ревела, свистела в горах, в трубах покосившихся, засыпанных снегом мазанок зимовки. Ледяной ветер охапками кидал белый снег. Будто плакали земля и небо, окутанные мраком.

И вот в такой буря с плачем вышла молодая женщина со двора. Черная ночь широко открыла темные объятия плачущей женщине. Лицо ее сплошь покрыто синяками, длинные черные косы растрепаны.

«Уж лучше умереть сразу, чем умирать ежедневно понемногу», - шептала женщина.

Не успела несчастная сделать и десяти шагов, как

ся рыдание. Молодуха шла, спутал свое рыдание с подыванием ветра. Никто не слышал ее голоса.

Только буран завывал сильнее, будто издеваясь над ней. Облепленная снегом женщина шла, продираясь сквозь непогоду, спотыкаясь о каждую кочку, проваливаясь в каждую выемку. Снег забился в сапоги, в рукава, за пазуху, облепил лицо, мешал дышать.

Долго бродила она. Громко молила небо и землю о помощи.

Ломкой коркой застыла одежда. Ледяными катышками затвердели слезы. Холоднее льда стала кровь. И только сердце билось по-прежнему, только далеко внутри еще теплилась жизнь.

Она спотыкалась, падала, вставала и снова шла, пока наконец не упала в высокий рыхлый снежный сугроб.

Все медленнее билось сердце.

Прыгали, кружились снежинки. На снежниках сидели джины, хлопали в ладоши и залиристо хохотали.

Смеялась, играла, плакала слепая вьюга, пока не прикрыла женщину пушистым белым одеялом...

С раннего утра весь аул Кадырбая был охвачен суматохой. Сизая туча еще не рассеялась, но было тихо. Скот угнали на пастбище. Лошади напоены, кобылицы привязаны. Мужчины сновали между аулами, пили друг у друга кумыс.

Девушки, молодухи, жигиты собрались в ауле Кадырбая в юрте Айши.

Айша сидела на почетном месте, тихонько переговаривалась с Садырбеком. Лицо ее осунулось, взгляд, будто льдом скован, устремлен в одну точку.

Притихла и собравшаяся молодежь, изредка перекидываясь незначительными замечаниями. В дверь заглянули несколько женщин, сокрушенно покачали головами. Вошел Жанали. Его жена Рахия вышла из юрты.

- Чего вышла, собачье отродье? - накинулся на нее Жанали. Рахия молча отвернулась.

- Э, куда идешь? Позови Рапыш.

Вскоре появилась Рапыш. Жанали набросился на нее с руганью.

Женщины, стоящие у двери юрты, переглянулись, и одна из них, многозначительно переведя взгляд с Жанали на юрту Сенбая, в которой сидел жених, сказала:

- Одному нужна девушка, другому - кумыс. Одному нужен смех, другому - богатство.

- А кое-кому - расположение влиятельных родственников, - в тон ей отозвалась другая.

Рапыш вошла в юрту.

- А ну-ка, детки, пойдите погуляйте. Пусть Айша отведает угощение родителей и родственников...

Никто не двинулся. Все лишь переглянулись. Айша тоже сидела не шелохнувшись.

Рапыш снова заговорила.

- Не грусти, голубушка! Все прошли через это. Разве бог сотворил женщину не для чужого дома? На все божья воля, не тоскуй, милая. Отец с матерью велит тебе распроститься со всеми жителями аула, помучить благословение старших, отведать пищу в домах уважаемых людей. Пойдем, стоит ли горевать попусту?

Айша подняла опущенные веки, сдвинула черные брови:

- Рапыш, я выросла на твоих руках. Не было случая, чтобы мы не поняли друг друга. Сегодня я не могу исполнить твою просьбу.

Рапыш так и ахнула.

- Что говоришь ты, голубушка? Ладно, ладно... Я молчу. Я ведь только родительскую волю передала тебе. Не обессудь, милая, - сказала она и вышла...

Скоро пришел другой посланец:

- Отец с матерью велит обойти аул. Лошади сватов и провожатых стоят с утра оседланными. Лошадь Айши тоже давным-давно готова. Если хочет оказать дочерное повиновение, послушать, пусть обойдет аул, получит благословение старших.

Айша не шелохнулась. Молодежь недоуменно переглянулась.

В юрту стремительно вошла мать Айши. Все устались на нее. Салиха окинула холодным взглядом приунывшую дочь, собравшихся. Мелькнула мысль о возможности стать наравне с женой бая Айнаша. Тридцать голов крупного рогатого скота по-прежнему не давали ей покоя, опьяняли ее. Салиха, подражая жене бая Айнаша, спросила:

- Почему не идешь по аулу? Разве ты первая девушка, покидающая родительский дом? Лошади готовы. Тебя ждут. Ступай, обойди аул, отведай угощение попрощайся! - приказала она. Затем повернулась к присутствующим: - Чего вы тут сидите? Возьмите Ай-

шу и обойдите с ней аулы, попрощайтесь. А то уселись все, поникли, будто проводов невесты не видели.

Айша подняла на мать грустные черные глаза:

- Хоть голову мою снесите, а я ни с кем прощаться не буду. В чьем доме отведать мне угощенье? Чье благословение получить? Какое? Уж не затем ли мне идти за благословением, что сбываете меня с рук, отдаете вдовцу? Как пса бездомного, выгоняете следом за пришельцем! Не мил мне такой род. Если лошади готовы, готова и я. Подайте сюда моего коня. Прикажите, чтобы сели в седла и те, кто поедет к каракесекам за моим выкупом. А я готова.

Наступило молчание.

Молчала и Салиха - разве не она прельстилась богатством, разве не она поддавалась уговорам? Невольно выступают на глаза слезы, и, не в силах более сдерживаться, женщина покидает юрту.

Осторожно, кошачьей поступью, пробрался смуглый жигит, спутник жениха, в юрту Айши.

- Ты из рода Каракесек? - спросила его девушка.

- Да.

- Приготовился ли ты к отъезду?

- Лошади давным - давно оседланы.

- В таком случае, ступай, оседлай для меня рыжую кобылу Шакира, - приказала Айша.

- Твоя лошадь стоит под седлом.

- Нет, она не годится. У Шакира резвее.

- Хорошо, - не посмел перечить жигит, но девушка вернула его с порога:

- Постой. Кстати, приведи и своего коня. Мы вместе сядем в седла и вместе тронемся в путь. Я ни с кем прощаться не буду. Поспеши.

- Сейчас, - отозвался жигит уже на ходу.

- Ступай и ты, помоги ему, - обратилась Айша к Садырбеку.

Тот беспрекословно повиновался.

Скоро две оседланные лошади остановились у юрты Айши.

Все с недоумением, молча смотрели на происходящее. Смуглый жигит и Садырбек привязали коней и вошли в юрту.

- Кони готовы? - повернулась Айша к вошедшим.

Получив утвердительный ответ, она стала торопливо одеваться. Натянула сапоги, шаровары, надела чапан, обмотала талию поясом, взяла в руки камчу.

- Ну, прощайте, - обернулась она к толпившейся молодежи, - кроме вас, ни с кем больше прощаться не буду. Нет у меня ни отца, ни матери, ни родных. Теперь мои близкие - каракесеки. Прощайте все. Если когда нибудь обидела кого словом или делом - прости. Да будет над нами воля божья!.. Ну, жигит, пойдём.

Молчание рассеялось... Послышались плач, причитания:

- Айша - ау, неужели едешь?

- Неужели увозишь в сердце обиду на родных?

- Ай, милая, так и не простишься ни с кем?

- Прости, не обессудь, голубушка.

- Побыла бы еще немножечко.

- Айша, светик, неужели и на нас сердиться?

- Простись хоть с нами по-хорошему.

Все плакали, вздыхали, ахали, обнимали Айшу.

Наконец Айша вырвалась из объятий.

- Довольно. Хватит. Девушки, перестаньте плакать. Все прощайте, простите... - Утерла навернувшиеся слезы и снова обратилась к жигиту: - Пошли!

Быстро вышла из юрты. За ней валом повалили девушки, парни, ребяташки, молодухи. Продолжая твердить: «Прощайте, прощайте», - Айша села на рыжую кобылу, которую подвел к ней жигит.

На мать, на отца, на родственников Айша даже не оглянулась.

Женихов дружка был уже в седле.

Взрослое население аула молча следило за происходящим.

- В путь! - скомандовала Айша, хлестнула коня, и он стрелой сорвался с места.

И жених, и сваты, и вся родня девушки только рты разинули, будто сплавщики, у которых сорвался и уплыл плот. Но скоро жених пришел в себя, вскочил на коня. Его примеру последовали сваты и мать Айши.

Вся родня Айши, ее отец повскакивали на коней и пустились следом за девушкой. Догнав Айшу, они хотели проститься с ней в степи. Но девушка на родных даже не оглянулась. Рыжий иноходец, любимец Шакира, рванулся и оставил далеко за собой всех провожатых. На его спине, как сокол, сидела девушка с нахмуренными соболиными бровями.

На небе не осталось ни единой тучки, и солнце беспрепятственно посылало на землю яркие лучи. Всадники мчались к западу.

Из-за могильного памятника на берегу Есени, минарет которого острой пикой вздымался кверху, выехал человек верхом на сивом коне. Заморенный сухопарый конь осторожно переступает ногами. Уши насторожены, как у зайца. Он настораживается при каждом, даже незначительном шорохе, каждом стуке, пугливо поводит глазами. Всадник сидит, в седле, как вылепленный. Лицо плоское, с редкими волосиками усов, смуглое. На ногах большущие старые сапоги, на плечах поверх поношенного черного бешмета чекмень, подбитый верблюжьей шерстью. На голове маленький, старенький белый тумак. В руках камча с толстой белой рукояткой. С левой стороны свисает соил¹.

От взоров провожатых Айши жигита скрывали высокие травы и ковыли. По открытым местам он ехал галопом. Жигит опередил группу всадников и, добравшись до удобного прикрытия, спешил и, пригнувшись, прислушалась. И хотя конь его ступал осторожно жигит крепко держал поводья и то и дело оглядывался назад.

Вся группа провожатых Айши проехала мимо жигита, и он внимательно оглядел каждого из них в отдельности. Потом снова взобрался в седло и тронулся дальше по следу всадников.

Так они продолжали свой путь.

Когда перевалило за полдень, из-за высокого минарета памятника на берегу Есени показался второй всадник. Бока светло-сивой поджарой кобылы с короткой гривой и реденьким хвостом покрыты потом. Едва всадник поравнялся с минаретом, как из одной скважины выпорхнула пара удонов. Конь испуганно метнулся в сторону. Жигит успокоил коня и, волоча соил, выехал к краю гробницы. Здесь он остановился и, отогнув меховое ухо тумака, стал прислушиваться и оглядываться по сторонам. Постояв так некоторое время, он легонько коснулся крупы кобылы камчой и поехал по пути, пройденному недавно сивым конем.

На верхней губе худощавого лица жигита чуть пробивались усики. Ехал он легко, быстро, будто перекасти-поле, подгоняемое ветром. Когда он достиг вершины холмов Ак-Таса, солнце переместилось на запад, за рощу Шотана. Всадник окинул взглядом расстилающуюся перед ним ровную степь, омываемую Сары-су, и доли-

ну Кара-Шалгы. Вдали колыхались стада. Соколиный взгляд жигита скоро различил подвигающуюся позади стада группу всадников.

- Ага, вот они.

Тогда он перевел взгляд покороче и вскоре заметил одинокого всадника, который волчьей повадкой, скрываясь, следовал по пятам группы.

- А - а! - снова вырвалось у жигита.

Он слегка ударил коня камчой и тронулся наперекрест степи, скатертью расстилающейся перед ним. Теперь, не щадя коня, он гнал его во весь дух...

Жигит достиг края Кара-Шалгы, омываемого рекой Сары-су. Две пары глаз и ушей - всадника и коня - напряженно вглядывались и прислушивались к каждому движению и шуму. Конь, осторожно, как серна, переставляя ноги, при каждом шорохе настороженно поводил ушами, беспокойно поблескивал глазами.

Всадник вел себя не менее осторожно.

Вдруг конь вздрогнул и шарахнулся в сторону. От неожиданности жигит чуть не свалился с седла, дернул за повод, ловчее взял в руки соил и оглянулся.

Бесшумно, будто парящий орел или летящий сокол около него выросла фигура жигита на сивой кобыле.

- Испугался?

- Я все время устремляюсь вперед и потому не заметил твоего приближения. Да и у коня и глаза и уши спереди...

- Это они? - спросил подъехавший жигит, указывая на движущееся черное пятно впереди, во мгле наступающего вечера.

- Да, направляются к Айдаке... заночуют у Бименде. Ну, нам пора двигаться... Так, пожалуй, из виду упустим, - сказал смуглый.

- Они наверняка переночуют в ауле Бименде! И почему бы им не переночевать там? Ведь с ними едет посланец Бименде. Да и как миновать богатых родственников?

Кобыла тихонько заржала. Седок натянул повод.

Сивый конь на призыв кобылы неодобрительно повел левым ухом.

Вечерело... Было то время, когда все окутывается густыми сумерками...

Провожатые Айши, разбившись на две группы, заночевали в ауле Сыздыка.

Спутник Шакира, посланец Бименде, Корженбай,

¹ Соил - дубинка.

поместил жениха и мужчин у Бименде, а Айшу, и женщин и сватов, ехавших за выкупом, устроил у Мусереле.

Отца Бименде звали Сыздыком. От него получил свое название аул. А Мусереле, человек смиренный, среднего достатка, был племянником Сыздыка. На его матери женился Сыздык после смерти брата.

У бая Бименде две юрты. В каждой юрте по одной женщине. Обе юрты стоят рядом, чуть не касаясь друг друга. Юрта старшей жены большая, младшей - поменьше. В ней хранятся товары и шкуры убитых животных.

Шакир и его спутники чувствовали себя в большой юрте Бименде как в собственном доме, были радостны, веселы, как люди, чьи лошади взяли приз на состязаниях.

Из соседней юрты доносился звук сепаратора.

Позади юрт стояли телеги, жнейки. Около них лежали коровы, и далее на привязи - телята. Коровы жевали жвачку, иногда громко сопели. На котане копошились овцы. Около них сплошной массой лежали верблюды с верблюжатами.

Лошади Шакира и его спутников стояли на привязи возле меньшей юрты Бименде. Перед юртой кипели самовары, возле которых мелькали фигуры людей.

Бай Бименде будто распух от чванства. Казалось, ему было тесно в собственной юрте от хвастливой мысли, что-де из дому шагу не сделал, только единое слово сказал - и сосватал Шакиру отменную девушку. Он был большим мастером обдѣлывать свои торговые дела с помощью беспощадного обмана.

Блестя заплывшим лицом, он обратился к старшей жене:

- Вели зарезать овцу пожирнее, видишь, с какой радостью приехали - птаху какую зацепили.

- Кому же и есть жирное мясо, как не им, - в тон мужу ответила жена и тут же добавила: - К хорошему бы только... И почему он не выбрал девушку у нас?

- Кто говорит, что у нас перевелись девушки, подходящие для Шакира? Но разговора об этом не было, - отозвался Бименде.

Женщина вышла. Она вошла в юрту токал¹, приговорила там все необходимое для убоя, потом в сопро-

вождении одного жигита выбрала на котане барана пожирнее и, покончив с хлопотами, вернулась в юрту, где сидел Шакир с товарищами.

Следом за ней в юрту вошел Корженбай.

- Проходи на почетное место, - с улыбкой встретил Шакир вошедшего.

- Удачная охота на красную лису сдружила вас, - усмехнулся Бименде.

Корженбай, усаживаясь на отведенном ему почетном месте, в тон ответил:

- Всякий будет угощать человека за такую накидку.

Бименде весело расхохотался. Распахнулась дверь. Токал с помощью женщины внесла огромный кипящий самовар, приготовила чай.

- Заварите «сто десятый» или «белохвостку». Да подайте самые свежие сливки, прямо из-под сепаратора, - приказал Бименде жене.

- И без твоего указания завариваем самый лучший, - отозвалась жена.

Бименде с улыбкой повернулся к гостям.

- Хороший чай со сливками - подходящее дело для людей, везущих отменную девушку.

Все закивали, задвигались, выражая удовольствие.

В юрту вошел невысокий мужчина с реденькой, ключьями свалывшейся бородой, в старенькой одежде. Он сел у самого входа, поздоровался с Шакиром и остальными.

- Здорово, Шакир. Поздравляю тебя.

- Спасибо... Сам как поживаешь?

- Ну, Конырбай, споешь сегодня в честь Шакира песню? Слыхал, какую молодуху везет. Выложи-ка все свои песни, - обратился к нему Бименде.

- Я пел Шакиру в прошлый раз. Сегодня замучил меня больной ребенок. Целый день никуда не отпускал. Вот и сейчас хитростью еле вырвался, захотелось с Шакиром повидаться.

Жена Бименде расстелила перед гостями пеструю скатерть, разложила на большом круглом столе баурсаки, сахар. Токал разлила в узорные фарфоровые чашки чай.

- Отчего ты не женился? Мучаешься с детьми. Даже корову сам доишь, - обратилась к Конырбаю старшая жена Бименде, сидевшая у самовара.

¹Токал - молодая жена.

- Ой, Жумабике, иль думаешь, женитьба пустое дело? Кто пойдет за меня?

- Э, бедняга!.. Почему бы и нет? Гляди на Шакира - месяца нет, как жену похоронил, а уж замечательную девушку везет. А вот этот, не успела я умереть, вторую жену взял, - то ли в шутку, то ли всерьез кольнула байбише мужа.

Бименде, Корженбай и Шакир расхохотались.

- Подсаживайтесь поближе, - предложил Конырбаю Акаш, спутник Шакира.

- Ах, Жумабике, кого с кем равняешь? Да разве я им ровня? Разве что-нибудь задаром делается? Кто отдает за бедного дочь? А разве есть у меня средства, чтобы купить жену? - тоскливо сказал Конырбай.

- Как знать! Я думаю, каждому свое, - сказала Жумабике.

- Подсаживайтесь, - повторил приглашение Акаш.

- Кушайте сами... - отозвался Конырбай.

- Иди, иди, - позвал наконец Бименде.

Конырбай подсел к столу.

- Видно, тебе жена не нужна, а не то нашел бы чем заплатить... Разве при прошлогодней перекочевке у тебя не было достаточного количества скота? - спросил Корженбай, наливая густой настой «белохвостки» на блюдечко.

- Да, было достаточно, но теперь скота больше нет, - ответил Конырбай, неловко потянувшись за крохотным баурсаком.

- А ну-ка, признайся, сколько скота имеется у тебя в наличии, я тебе подыщу подходящую жену, - продолжал Корженбай.

- Ой, байгуш! Вот сказал... Найдется, говоришь? - усмехнулась Жумабике, откусывая сахар и запивая чаем.

Снова все расхохотались.

- И впрямь, дай отчет Корженбаю, - подхватил Бименде.

- Хорошо, скажу... Две коровы с телятами, десять голов овец с ягнятами, одна лошадь, один верблюд... Один годовалый теленок. Вот и вся скотина... В юрте трое ребят рты разевают.

- Ой-ой! Куда же делся остальной скот? Разве у тебя при жизни жены было его так мало?

- Куда делся, спрашиваешь? Часть съели, часть потерялась, часть издохла... Вчера последнюю кобылу

угнали.... В прошлую зиму Абдрахман взял верблюда, сказал, что будет возить с завода кладь в город, да так и не вернул, и даже стоимость как следует не заплатил.

- Как же это так?

- Да так вот, говорит, твоего верблюда пристав забрал и солдатам отдал.

- Каким солдатам?

- Тем самым, которых забрали из поселков на войну с немцами. Возвращался, говорит, я из города и повстречался со множеством солдат. Поравнялись, говорит, пристава и стражники, что вели их, избили меня и твоего верблюда со всей упряжью забрали, сели, говорит, на сани и уехали.

- И что же, только твоего верблюда забрали? Остальных не тронули?

- Да, он так говорит.

- И он тебе ничего не заплатил.

- Да, толком ничего не заплатил.

- Да ведь это же чудеса! - сказал Корженбай, оглядываясь на Бименде и Шакира.

- Почему же Бименде не взыщет тебе стоимость верблюда? - спросил Акаш.

- Я просил...

- Разве Абдрахман по-хорошему вернет? Такому человеку даже верблюжий жир давать не следует. А кроме того прошлой зимой и впрямь много народу забрали из поселков в солдаты. Их много шаталось по дороге, ведущей в город. Когда мы зимой ехали из города с возами, так, пока не миновали поселки на берегу Нуры, мне самому пришлось ехать впереди возов. Всю дорогу к нам солдаты привязывались. Ну, поговоришь с ними по-хорошему, они и не тронут. Встретилась нам группа солдат во главе с сыном русского белоусого поселанина из поселка Жиланды. Узнал он меня, пожал руку, говорит жалостливо: «На войну отправляемся... То ли отпустит нас немец живыми, то ли нет...» Вынул я из кармана пятерку, дал ему, - рассказал Бименде.

- Белоусый и его брат на днях уехали, - заметил Корженбай.

- Трудно, поди, было уезжать? - сказал Акаш.

- О чем говорить? Разве они не люди? Кому легко, когда немец всех, как овец, режет, - отозвался Корженбай. - Ты что скажешь? - обратился он к Шакиру.

- Ну и пусть режет наших ненавистников! На на-

ши воды да земли, на наш скот целился, подучал урядников размахивать камчой над головой народа. Не так, ли, Конарбай? - горячо крикнул Акаш.

- Так-то оно так, да ведь вместе с ними и наш брат, бедный мужик, погибнет. Немец по небу летает, огненные снаряды сверху кидает...

Жумабике прошла в меньшую юрту, где свежевали баранью тушу. Токал прибрала посуду.

- А теперь, Конарбай, спой песню в честь счастья невесты Шакира, - сказал Бименде, откидываясь на подушку.

- Да, спой, не ломайся, - подхватил Корженбай.

- Спой, спой, ведь ты мастер, - заметила и токал.

- Хорошо, спою... Что спеть? Разве короткую песню, - согласился Конарбай.

В юрту вошла Жумабике.

Конарбай, уступая требованиям слушателей, начал:

Жизнь наша, как ночь, темна
И, как темница, тесна.
О, если б не наши ссоры -
Отрадной была бы она!

Лихие пришли времена,
Земля всем, вода нужна.
Желаний душа не вмещает,
Не вычерпать горя до дна.

Теперь Конарбай, не ожидая приглашения, стал читать следующие стихи:

Казах, ты невежеством ослеплен,
Посмешище ты для культурных племен.
Не думаешь ты о грядущем степей,
Беспечность несет тебе горе и стон.

Казах, отчего же так ветреней ты?
Устал кочевать!
И, как заяц, в кусты
От пристава вмиг убегаешь, дрожа.
Народ отчего же трусливым стал ты?

Не можешь, не смеешь вернуть то назад,
Что взял у тебя твой единственный брат.
Кто, кто вразумит нас? И кто во врага
Вперит полный смелой решимости взгляд?

Кто сердце отдаст за любимый народ?
Где тот человек? И когда он придет?
Слова бедняка никому не нужны,
Кричит только бай, хоть и крив его рот.

Протяжным вздохом закончил Конарбай песню.

- Да он акын! - воскликнул Корженбай.

- Э, акын, это ты сейчас сочинил? - спросил Бименде.

- Правдивые слова, - заметил Акаш.

Слова песни о том, что «замучило безводье, безземелье», поразили Акаша. Лучшие уголья его рода - прибрежные луга Нуры - отданы переселенцам. Пристав насильно согнал оттуда его аул, и отец Акаша был вынужден перебраться на Каракесек - землю родственников жены.

- Не знал о таком таланте Конарбая!

- Скажи, ты сам сочиняешь эти песни? - спросил Корженбай.

- Где мне сочинять! Из книг вычитал, - ответил Конарбай.

- Почему же скрываешь свои знания? Такие, как ты, детей обучают, - снова сказал Корженбай.

- Где мне детей учить! Так, немножко понимаю по-тюркски. Читаю книги, что попадают под руки, если понравится - заучиваю наизусть. С детства люблю стихи.

Неожиданно в юрту вошел маленький мальчуган. Его заметила Жумабике.

- Э, чей это ребенок? Уж не сын ли Конарбая?

Конарбай быстро обернулся и с улыбкой спросил:

- Что такое? Зачем пришел?

- Утеш плачет... Тебя зовет, - смущенно шепнул мальчуган.

- Плачет, говоришь? Пойдем! - И Конарбай ушел.

Бименде, Шакир и Корженбай возобновили прерванную беседу.

Один из спутников Шакира, на чьей обязанности находился присмотр за конями, вышел в степь, осмотрел привязанных лошадей, а потом, взяв в провожатые какого-то мальчугана, пошел в юрту Мусереле, где находилась Айша. Побеседовав там немного с ее братом Жанали, они вместе вышли и направились к юрте Бименде.

Шакир и Корженбай сидели у юрты и тихо разговаривали. Жанали и его спутник присоединились к ним.

У телег, окружавших юрту, лежали коровы и телята. Отчетливо доносилось их шумное дыхание.

Вскоре Корженбай вошел в юрту, перекинулся не-

сколькими фразами с Бименде. Бименде тотчас прошел в маленькую юрту, куда следом за ним Корженбай провел Шакира и Жанали.

С одной стороны от входа помещался сепаратор, с другой - тюки товара, сухие шкуры. В глубине - несколько сундуков, поставленных друг на друга. Посредине юрты над очагом подвешен котел. Воздух пропитан запахом молока, сливок, сухой кожи, вяленого мяса. Бименде открыл сундук и стал вытаскивать оттуда куски всевозможной мануфактуры.

- Вот тюк, - по двугривенному за аршин. Вот сатин - сорок копеек. - Это бязь, за аршин тридцать семь копеек. А это шелк-пай - по рублю двадцати копеек. Здесь бике-сап - шесть гривен. Меткетон - тридцать копеек. Кретон - двугривенный аршин. А вот ластик... драп... бархат... Бери, что по душе.

Шакир обернулся к Жанали:

- Сначала отбери ты, что требуется, а потом - я.

Закружился аршин, затрещала материя. Все эти покупки предназначались для Айши.

Айшу провожали пять человек. В том числе и мать. Из пяти провожатых двое доводились ей братьями. Это были Жанали и Айдар. Двое остальных - Тинжен и Серик - одноаульцы Кадыра. Тинжен был старшим братом старшей снохи Кадыра, жены Сенбая. А Серик - младший брат второй снохи Кадыра, жены среднего сына, Жанали.

Вечерело... На землю спустились сумерки. Скот загнан на котаны.

Провожатые Айши сидят в большой закопченной юрте Мусереле и изо всех сил стараются придать себе важный вид.

Молодая девушка, дочь Мусереле, сидит перед Айшой, которая расположилась с правого бока юрты на постели снохи.

Сама сноха занята приготовлением чая. У очага, степенно поглаживая руками бороду, восседает сам Мусереле.

Его жена, пожилая смуглая женщина, то входит, то выходит из юрты, следит, как сноха prepares чай, потом идет на котан, чтобы собственными глазами оглядеть отдыхающих животных, и там о чем-то шепчется с сыном. Сын ее, длиннолицый, смуглый жигит невысокого роста, входит в дом и обращается к отцу:

- Аке, выдь на минутку...

- Ага, - с понимающим видом отзывается Мусереле, поднимаясь.

Оба выходят.

- Чем будем угощать гостей? - спросила жена.

- Откуда мне знать? Заколите какую-нибудь животину, - ответил муж.

- Какую? Разве одного из двух серых козлят?

- Удобно ли?.. Угощение уходит вместе с гостями... Везут невесту сына Боранбая... Если наутро сын Боранбая узнает, что мы закололи козленка, нам же стыдно будет... Заколите барашка, - решил Мусереле.

- Тогда заколем ягненка карнаухой молодой овцы.

- Не лучше ли заколоть ягненка старой овцы? Но крайней мере, овца без ягненка разжиреет к зиме, - предложил сын.

- Правильно. Скорее принимайтесь за дело, - приказал Мусереле и вернулся в юрту. - Светик мой, разожги очаг пожарче. Дров у тебя достаточно? Приготовь скорее чай... Видишь, люди изморились, - обратился он к снохе. И тут повернулся к дочери: - Милая Айнаш, помоги ей... Уж скоро стемнеет.

Гости поняли, что хозяева собираются угостить их мясом. Кое-кто из них, забыв о важности, сделал легкое движение. А Тинхан, худой безбородый казах, даже аппетитно причмокнул губами и тайком проглотил слюну. Он ехал в качестве почетного представителя Боранбая из рода Каракесек.

Сноха и дочь не замедлили исполнить приказание Мусереле. Подали чай, Мусереле подсел поближе к огню. Айнаш залегла светильник. Хозяйка и сын втащили барашка. Следом в юрту проскользнул белогрудый пес. Он восторженно вилял хвостом, переводил взгляд с трепещущего животного на хозяина и откровенно облизывался и глотал слюну.

- А, скотину привели?.. Скорей совершите молитву, и ты, Турсун, заколи ее, - обратился Мусереле к сыну. Тут он заметил пса, который внимательно следил за каждым его движением. - Пошел, пошел! Убирайся!

Собака покорно вышла, но далеко не отошла. Остановившись у порога, она выжидала удобного момента, чтобы снова проскользнуть в юрту.

На дворе окончательно стемнело. Небо задернулось тяжелыми серыми тучами. В темноте исчезли и речка Сары-су, и степь с высокой травой, и горы, и холмы.

И только огоньки близлежащих аулов буравят плотную тьму. Кое-где этих огоньков больше. Изредка доносятся обрывки громкого смеха, отдельные слова.

Аул Сыздыка состоит из восьми юрт. Все они освещены. Отовсюду слышатся голоса.

Посредине котана лежат сытые овцы. Большая часть их принадлежит Бименде. С краю котана группами лежат верблюды. Поодаль пристроились коровы. С котана доносятся возня животных, пыхтение, тяжелые вздохи...

Сзади юрты Мусереле стоят па привязи лошади гостей. За юртой Бименде храпят кони Шакира.

Здесь ярко пылает огонь. Грызутся, ворчат псы, почуяв запах свежей крови. Из юрты Мусереле раздался хрип барашка. Белогрудый пес стрелой кинулся к юрте.

Из соседних юрт вышли несколько человек и направились к юрте Мусереле. Двое из них вошли в юрту.

Таз с теплой кровью вынесли к порогу. В тот же миг белогрудая собака окунула в него морду. Раздалось громкое чавканье. Подбежал рыжий щенок и последовал было ее примеру, но белогрудая грозно зарычала. Щенок пристыженно поджал хвост, лизнул край таза и умирленно устался на хозяина положения. Столь явное послушание успокоило собаку. Она перестала обращать внимание на щенка и погрузилась в приятное занятие - насыщение лакомым блюдом.

Скрываясь в вечерней темноте, двое верховых с соилами под мышками осторожно приближались к крайнему аулу.

У обоих одежда была подобрана. Уши маленьких тумачков загнуты внутрь. Лошади ступают бесшумно, будто кошки, напряженно поводят ушами. Верховые крепко держат поводья своих коней и зорко, пристально вглядываются в расстилающийся перед ними аул.

- Берегись, как бы не звякнула уздечка, - прошептал широколицый жигит.

Он еле заметно натянул повод и чуть-чуть опередил светло-сивого коня.

Сначала они наблюдали за аулом издали. Приближались постепенно, все время стараясь находится в тылу аула. Звонким лаем залилась собака из-за крайней юрты. Светло-сивый конь замер как вкопанный. Всадники прислушались.

- Их в этом ауле нет... Этот аул не похож на аул Сыздыка... Здесь и лошадей нет. Да и в юртах что-то не заметно присутствия гостей, - шепнул светловолосый жигит.

Собачий лай затихал.

- Да, здесь их нет... Это не аул Сыздыка. По-моему аул Сыздыка вон там, - так же шепотом ответил широколицый.

Они направились к другому аулу. Подъехали с таким расчетом, чтобы оказаться в небольшом овражке, сбоку большой юрты. В юрте мелькнул огонь. Оттуда доносились обрывки слов. Почти вплотную к большой юрте, будто в ее объятиях, стоит другая - поменьше. В ней огня не видно.

Светловолосый жигит повернулся к широколицему.

- Возле большой юрты что-то виднеется. Похоже - лошадь.

- Подъедем поближе, - предложил тот.

Они, как кошки, крадучись тронулись по дну оврага и скоро выбрались на площадку со скошенной травой. Вдруг светло-сивый конь резко вздрогнул и остановился. Серая кобыла сделала шаг вперед и тоже остановилась. У широколицего жигита заглодело сердце. Он стал внимательно вглядываться в окружающую темноту, легонько ударил коня ногой, но конь не двинулся, - стоял, как насторожившаяся мышь, как кошка, учуявшая добычу.

Светловолосый жигит так же молча внимательно оглядывался по сторонам.

- Ойбай, он кого-то заметил! - еле внятно шепнул широколицый.

Пронзительный взгляд светловолосого, казалось, буравил темноту.

- Да, но ничего не видно... В этом ауле, похоже, тоже нет гостей. Между отау и большой юртой стоит конь. Он привязан к керме. Чей конь может быть привязан к керме? Кажется, так привязывает коня Муса, сын Исабека... Должно быть, его конь.

- Хотел бы я знать, что видит моя кобыла. Она смотрит на эти овражки. Не сидит ли там кто-нибудь?

В эту самую минуту шагах в пятидесяти от них выросла высокая тень человека в длиннополой одежде и в тот же миг другая тень, прижимаясь к земле, кинулась в степь. Светло-сивый конь шархнул в сторону. Светловолосый жигит натянул повод и последовал за

товарищем. Вслед им залаяли собаки и кинулись вдогонку, но верховые будто утонули в ночной темноте.

Из крайних юрт вышли люди и громкими криками стали поощрять собак. Запыхавшаяся сноха Мусы то-ропливо рассказывала деверю о своей встрече с двумя верховыми.

- Ойбай, пошла я по своей нужде вон туда, вижу-едут двое. Как только заметили меня, умчались. Ишь как лают им вслед собаки! - закончила она.

О тени, мелькнувшей из овражка, она умолчала.

Ее деверь, молодой жигит, так и ахнул.

- Ойбай, это воры! Воры! Почему замешкалась, тут же не прибежала?

Не дожидаясь ответа, лишь бросив взгляд на привязанного скакуна, жигит опрометью кинулся в юрту, но столкнулся с выходящим Мусой.

Муса, прихрамывая, подошел к сыну и снохе.

- В чем дело?... Люди? Сколько их? В какую сторону поехали?

Аул всполошился. Везде замелькали люди, послышались возгласы:

- Воры! Воры!

Муса сильно встревожился. Его движения стали то-ропливы, хромота усилилась.

- Скорей оповестите все аулы... Стен! Асаутай! Ступайте, предупредите Умбета! Бейсембай, Ак-куба - мчитесь к Искандеру. Жумагул! Сеит! Вы поезжайте к Бименде! У них в ауле гости. Лошадей много. Сторожей пошлите к конским табунам. Чтобы все были на-чеку! - распорядился он.

Потом еще раз расспросил сноху о замеченных ею верховых. Хитрая женщина без запинки повторила свой рассказ:

- Взяла я кумган и пошла по своей нужде. Вдруг вижу - стоят в овражке двое верховых, смотрят на нашего бегуна. Сначала я их не заметила... А как увидела, подумала, что это кони, отбившиеся от табуна. Подошла поближе, вижу - двое верховых. Тут и они меня заметили и умчались в степь. Тут я поняла, что это недобрые люди, и побежала сюда.

- Апырмай! Спас нас господь в такую темень... Если б не Кантбала, увели бы коня... Апырым! Табуны у нас без караульчиков, - заохал Муса.

Первая растерянность прошла, и уже люди перекидывались шутками.

Тем временем все шесть аулов были оповещены, все приняли меры охраны. Те, у кого лошади паслись в табунах, сговаривались о посылке туда верховых.

Вместе с Жумагулом и Саттаром, вернувшимися из аула Сыздыка, приехали двое жигитов. Один из них - сын Бименде, верхом на лошади Шакира, другой - соседский жигит. Они приветствовали Мусу и столпившихся около него людей.

Конь Мусы, стоявший на привязи - керме, стал проявлять признаки беспокойства.

- Муса-еке! Нас послал Бименде. Он спрашивает - не послать ли верховых. Потом, говорит, надо отправить к табуну по одному человеку от каждого аула. Отец предлагает снарядить народу побольше, - сказал сын Бименде.

- Правильно!.. Отлично!.. Я согласен... Подождите, я сейчас сяду на коня. А вы, Отен и Жумагул, найдите себе коней, а нет, так хотя бы на верблюда садитесь. Поезжайте к табуну. Остальные сторожите аул. Будьте бдительны! - сказал Муса и тут же добавил: - Если нет коней, садитесь по двое на одну лошадь. До табуна доедете. А я поеду к Бименде. Эй, вынесите седло! Пик-у захватите!

Его конь беспокойно перебирал ногами, фыркал, тянул повод.

- Апырмай, конь фыркает... Видно, чует, что будет гонка. О господи помилуй... Ну, где седло? Седлайте хо-рошенько... Пика где? - суетился Муса.

Мясо только что заколотого барашка медленно варилось в казане. Айша встала, чтобы в сопровождении дочери Мусереле выйти наружу. Сноха, подкидывавшая кизяк в очаг, оставив работу, присоединилась к ним.

- Светики мои! Будьте осторожны, оглядывайтесь но сторонам. Ишь, вечер какой темный... Стерегут ли коней приезжих? Скажите жигиту-караульщику, чтобы не задремал, - напутствовал Мусереле дочь и сноху.

И хотя слова его относились к дочери и снохе, но взгляд был устремлен на Айшу. В шароварах, чапане и шапке из лисьих лапок, она казалось ему очаровательным жигитом.

«Что за девушка!» - восхищенно подумал он.

После яркого света от очага окружающая тьма показалась вышедшим женщинам непроницаемой.

- О, какая темень! Ни зги не видно, - сказала дочь Мусереле.

- Хоть глаз выколи. Всегда так бывает после света. Смотрите, не споткнитесь... Осторожно ступайте. До того темно, что даже страшно становится, - подхватила сноха.

- Страхом делу не поможешь... Разве не темна вся жизнь того, кто не может жить согласно своей воле? Не будем же бояться вечерней темноты. Глаза наши привыкнут к ней, - сказала Айша и, осторожно ступая, стала огибать юрту.

При их приближении Серик, карауливший привязанных коней, поднялся с места.

Глаза женщин быстро освоились с темнотой, и они втроем подошли к жигиту.

Серик поехал с Айшой в качестве кода и исполнял дорогой обязанности надсмотрщика за лошадьми.

- Что, караулишь, Серик? - спросила, останавливаясь перед ним, Айша.

Неожиданный вопрос Айши, не раскрывавшей рта в продолжении всего пути, удивил Серика.

- Да, караулю... Уж не хотите ли вы помочь мне? - пошутил он.

- Вы устали, - вмешалась в разговор сноха.

- Верно, устал. Две ночи не отдыхал. Только урывками соснуть удастся, - ответил Серик.

- Хороший ты караульщик, если с этих пор говоришь о сне, - снова сказала сноха.

- Кто посмеет угнать лошадей из такого многолюдного аула? Спи себе, - усмехнулась Айша.

Женщины со смехом отошли от Серика и зашагали к зарослям чия.

- Крикните погромче, испугайте притаившегося вора или волка, - обернулась Айша к спутницам.

- Дайте я крикну, - со смехом предложила дочь Мусереле и тут же громко, протяжно закричала:

- Э-эй! Айт!

Это развеселило Айшу и сноху. Они расхохотались. Смех Айши прозвенел холодным ручейком, бьющимся о лед.

Сноха подхватила крик девушки.

Из юрты вышел Айдар, подошел к Серiku и стал шепотом переговариваться. Изредка он поглядывал туда, откуда доносились голоса женщин, но ничего разглядеть не мог.

Из зарослей чия слышались смех и возгласы. Голос Айши, что-то рассказывавшей дочери и снохе Мусереле, тревожил мягкий, густой, темный вечерний воздух. Изредка вместе со звуком речи долетал звон кумганов.

Звонкий, как хрупкий лед, голосок Айши при-
влекал Айдара. Делая вид, что осматривает лошадей он несколько раз громко прикрикнул:

- Айт!.. Эй!.. Ушт!..

Потом снова оглянулся в сторону скрытых тьмой женщин, вернулся в юрту.

Из соседних аулов доносились окрики на животных, обрывки слов. Женщины, громко переговариваясь и позвякивая кумганами, стояли в зарослях чия.

Вдруг им почудилось, что кто-то скрытый мраком, подкрался к ним: куст чия, растущий перед ними, слегка закачался.

- Мне кажется, здесь кто-то ходит, - сказала сноха, указывая на куст.

- Ну, кому быть! - спокойно ответила Айша.

Чий снова заколыхался.

- О, и вправду, кто-то ходит!.. Ойбай, а вдруг вор! Пойдемте скорее домой, расскажем, - встрепенулась дочь Мусереле.

- Оставь! Вор следит за скотом, а разговор девушек и молодых женщин привлекает одних жигитов. Вот увидишь, оттуда выйдет один из тех, кто хочет поговорить с тобой, - успокоила Айша и добавила, обращаясь к колыхавшему кусту:

- Милости просим, побеседуйте с нами. Здесь, кроме девушек и молодой снохи, никого нет!

И совершенно неожиданно из-за стеблей чия раздался приглушенный шепот:

- Прошу, не пугайтесь, но мне действительно, требуется поговорить с вами.

- Человек! - взвизгнула дочь Мусереле.

- Человек, - эхом отозвалась сноха.

- Не шумите. Мне нужно сказать вам всего пару слов, - проговорил тот же голос.

Из-за чия показался человек. Он торопливо подошел к женщинам.

- Здравствуйте!

- Здравствуйте, - ответили пораженные девушки и сноха.

- Айша, здравствуй!.. Мне нужно поговорить с тобой. Долго не задержу. Пойдем. Спутницы твои не-

много посидят тут, - сказал светловолосый джигит в сером мерлушковом тумаке.

Айша вскочила.

- Хорошо... Вы тут посидите, а я пойду послушать просьбу этого человека.

- Ладно, ладно, - растерянно пролепетали сноха и девушка.

Жигит и Айша скрылись за кустами чия.

Вскоре Айша вернулась.

- Я должна отдать этому человеку одну вещь. Он приехал за ней. Пойдемте домой, отдадим ему требуемое, но вы никому не говорите об этой встрече, хорошо? - сказала она.

Молодуха и девушка, казалось, поняли, куда клонится дело.

- Ойбай, зачем рассказывать? Зачем говорить? - ответили они хором.

- Пойдемте! - скомандовала Айша. Я засунула под подушку, на которой сидела, одну вещь... В тряпочке завернуто несколько колец с драгоценными камнями. В коржуне, тоже завернутые в тряпочку, лежат браслетка и серебряные монеты. Ступайте, найдите их и принесите, - сказала Айша.

- Велишь нам рыться в коржуне? Как говоришь - два свертка: один в коржуне, другой в ирге? - спросила сноха.

- Да... Дай коржун матери... Она найдет.

- Куда ты положила, на землю или между кошмами? - продолжала допытываться сноха.

- Если не ошибаюсь, сунула между кошмами... Если там не окажется, посмотрите на земле. Скажите моей матери, она найдет.

- Мы и сами найдем, - уверенно заявила дочь Мусереле.

- Почему так долго гуляли? - усмехнулся Серик.

- Разве долго?

Серик ухмыльнулся и, не найдя что ответить, лишь многозначительно кашлянул.

- Я постою здесь, а вы принесете, что я просила, - обратилась Айша к своим спутницам... Найдете около ирге. Если спросят обо мне, скажите, осталась, мол около жигита, который стережет коней, а нас послала с поручением. Ступайте. С пустыми руками не возвращайтесь.

- Ладно, ладно!

И сноха с девушкой вошли в юрту.

Айша повернулась к Серику;

- Серик! Я спрятала под подседельником одну вещь... Эту вещь я должна была отдать Рагии, да забыла, увезла с собой. Я ее передам тебе, благо удобный случай подвернулся. Приведи ко мне коня, - торопливо сказала она.

- Что за вещь? заинтересовался Серик.

Приводи коня, сама достану, покажу.

Серик подошел к лошади, быстро, бесшумно, отвязал ее и подволок к Айше.

В юрте расслышали лошадиный топот, и кто-то крикнул:

Эй, кто там? Серик!

Я здесь. Лошадь привязываю половчее, - ответил жигит.

Айша стала шарить в складках кошмы, положенной па седло.

- Ойбай, нет! Значит, в коржуне. Ступай, скорее, принеси узелочек, завернутый в белую тряпицу. Он в коржуне. Иди, иди. Лошадь дай мне. Я сама привяжу ее. Торопись, пока не пришли женщины, - стала она подгонять Серика и взяла у него из рук поводья.

- Умчи меня отсюда! - шепнула она...

В аулах мерцали огоньки. Изредка раздавались окрики людей, охраняющих скот... Двое жигитов на сивых конях с соилами наготове, спрятавшись в зарослях чия, внимательно следили за аулом. Оба, казалось, были готовы к битве - чекмени, чапаны туго подпоясаны, тумак плотно надвинуты на головы, тесемки крепко связаны под подбородками.

Первым почувствовал приближение девушки светло-сивый конь. Он сделал легкое движение. Серая кобылица под светловолосым жигитом насторожилась. Светло-сивый конь, заметив силуэт мчащейся девушки, стал проявлять беспокойство. Наконец двое жигитов, с замиранием сердца прислушивавшиеся к каждому шороху, различили топот.

Смуглый жигит успокаивающе потрепал коня по шее и, повернувшись к товарищу, прошептал:

- Послушай, как бьется у бедняги сердце.

Вдруг конь снова встрепенулся и резко повернулся вправо. Жигиты повернулись туда же. К ним приблизились четверо всадников. Под покровом темноты им удалось подъехать почти вплотную.

Жигиты растерялись. Они то оборачивались к неожиданно появившимся всадникам, то к приближающейся Айше.

- Если там Айша, то здесь - погоня. Они уже давно следят за нами. Теперь скрываться поздно. Будь что будет - я намерен драться. А ты скачи к Айше. Если это не она, подъезжай на лошади до самой юрты, подними переполох и в суматохе похити ее, - приказал смуглый жигит.

Тем временем четверо всадников прорезали ночную тишину криками и стали наседать на жигитов.

Те в свою очередь разгорячили коней, подняли соилы.

Собаки всех близлежащих аулов подняли оглушительный лай. Отовсюду понеслись взволнованные голоса, торопливый топот.

- Бей! Коли! Враги! Скорей на коней! - кричали четверо всадников, стремительно атакующие за зарослями чия.

Они размахивали оружием и все ближе подъезжали к смуглому жигиту. Два соила противника слегка задело его. Но он изловчился и в свою очередь ловким ударом вышиб соил из рук одного из них.

Тем временем светловолосый жигит нагнал Айшу.

- Айша? Поезжай. Не бойся. Он их не подпустит, - сказал он и поскакал рядом с ней.

Но двое из нападавших отделились от своих, пустились за ними в погоню.

Кольцо верховых, выехавших из всех аулов, смыкалось. Голоса становились слышнее, приближались.

- Не заплутайтесь! Не заплутайтесь! Враг здесь! Здесь! Здесь! - кричали они друг другу.

Смуглый жигит взмахнул соплом и, стегнув коня, помчался на противника.

- Издохни, собака. Искровеню твою рожу! - закричал он.

Всадники не выдержали натиска и отступили к камышам, растущим на берегу реки.

Двое всадников, помчавшихся вдогонку за Айшой и жигитом, уже настигали их.

Жигит повернулся к преследователям лицом. Верховые из соседних аулов тоже были совсем близко...

Смуглый жигит, не знавший, встретил ли его товарищ Айшу, нет ли, погнался за двумя верховыми, мчавшимися за первыми двумя, и скоро обогнал их.

- Догони его! Пронзи его пикой! - крикнул один из верховых.

- Я заколю его, - и другой всадник, вырвавшись вперед, занес пику.

Оба учились что сеть духу и почти настигли переднюю группу.

- Заколю! Слезай! крикнул всадник с пикой.

- Не заколешь. Скорей сам издохнешь, - ответил смуглый жигит и, завертев соилом, как веретеном, замахнулся на него.

Всадник с пикой потерял способность управлять конем, не мог действовать пикой и очутился рядом со смуглым жигитом.

- Где враг?

- Здесь, раздавалось все ближе и ближе.

Смуглый жигит ветром помчался к передней группе. За ним снова следовал всадник с пикой. Так и мчались они с криком, преследуя друг друга. Увидев наконец впереди двух верховых и узнав в них своего друга и Айшу, смуглый жигит, подстегнув коня, подъехал к ним.

- Айрылма! Айрылма!¹ - крикнул он.

- Становись рядом. Я сам собою преследователя! - так же крикнул светловолосый жигит.

Враги надвигались.

Светло-сивый конь, темно-сивая кобыла и рыжий скакун мчались рядом. Всадник с пикой придержал коня и подождал. Смуглолицый жигит бросил на них быстрый взгляд и торопливо зашептал:

- Следом за ними скачут другие. Среди них - один толстяк, похоже, Бименде. Хотелось мне вздуть его как следует, да не удалось. Есть еще один с пикой. Конь у него - настоящий рысак. Он меня раза два догонял, да только пику по-настоящему держать не умеет, трус большой... Если у тех, которые скачут следом за нами, лошади также хорошие, он живо похрабреет. А если тот действительно Бименде, рожу ему раскровенить надо как следует... Лошади каковы?

- Не плохи. Но сивая кобыла может сдать. Зато конь Айши идет легко, - также шепотом ответил другой.

- Теперь надо попытаться отбиться от этих троих. Если подспеют остальные, ты, Айша, гони лошадь что

¹ Айрылма - держись.

есть мочи. Мы вдвоем задержим преследователей. А если там есть Бименде, мы заставим его плевать кровью, - возмущенно сказал светловолосый.

От группы преследователей отделились трое.

Светловолосый торопливо шепнул:

Ты прав... их надо задержать здесь. А Бименде раздерем в клочья. У Айши лошадь крепкая, пусть едет одна. Мы ее потом догоним... Поняла, Айша? Ты поезжай... Запомни условные слова - «хол табар» и «айрылма». Поняла? - повторил он, прислушиваясь к крикам преследователей.

- Поняла... А если заплутаюсь?

- Не заплутаешься. Держись одного направления. Мы тебя разыщем, - успокоил жигит.

Трое преследователей подсаkali почти вплотную. Один из них был с пикой. Остальные двое вооружены соилами. Смуглый жигит внимательно следил за каждым их движением.

- Эй, стрелять буду. Остановитесь, - крикнул один из преследователей.

- И мы будем стрелять. У нас тоже есть ружье. Мы ничего вашего не брали - почему вы нас преследуете? Чего вы от нас хотите? - спросил светловолосый жигит.

- Мы хотим, чтобы вы все сошли с коней. Все равно мы вас не пустим, - ответили из группы всадников.

- Видно, вам жизнь не мила. Уезжайте, пока целы! - крикнул смуглый жигит.

- Не уедем, пока вас не изловим.

Светловолосый жигит повернулся к Айше.

- Айша, не бойся. Поезжай вот по этому направлению... Мы их немного помучаем. Все равно они по добру от нас не отстанут.

- Но не подвергайте себя опасности. Если встретитесь с Бименде, не щадите его, - шепотом ответила девушка.

- За нас не беспокойся.

Айша умчалась.

- Разъедемся в разные стороны, - скомандовал смуглолицый.

- Бей!.. Круши!..- закричали верховые.

Смуглый жигит сжал коленями бока лошади и стрелой помчался к левому крылу неприятеля. Светловолосый повернулся вправо.

Трое верховых не поняли маневра жигитов и оказались стиснутыми с обеих сторон.

Смуглый жигит резко повернул коня и помчался к ним навстречу.

- Стой, настал твой конец! - крикнул он и, размахивая длинным соилом, налетел на одного из противников.

Тот слетел с коня, как тумаk с головы. Конь его выиграл. Двое остальных с криком погнались за смуглым.

Светловолосый, горяча кобылу, кинулся на выручку товарищу. Всадник с пикой скакал за смуглолицым жигитом, но теперь, повернувшись, направил свою пикку на светловолосого. Светловолосый, схватив соил обеими руками, нанес противнику сокрушительный удар. Пика выпала из рук седока, он сник, обхватив руками гриву коня.

Третий всадник, заметив поражение товарища, кинулся ему на подмогу.

Но на помощь светловолосому стрелой мчался уже смуглый жигит. Он налетел, как черный сокол, камнем кидющийся с высоты на свою жертву.

- Наконец-то я проучу тебя, собака, исполню, свое заветное желание. В клочья разорву Бименде, - шептал светловолосый жигит, подгоняя коня.

Его противник быстро повернул коня и бежал.

Но тут смуглый жигит настиг его и оглушил ударом соила.

Тот кубарем скатился с лошади. Конь его споткнулся и остановился как вкопанный.

Быстро, как веретено, повернув коня, смуглолицый жигит поскакал обратно.

- Бей собаку! - крикнул он светловолосому товарищу.

Светловолосый жигит ударил оглушенного человека. Тот лежал огромной тушей и тяжело дышал. Из раны на голове, как из тонкой трубки, сочилась кровь.

В это время с криками к месту побоища прискакали еще двое. Смуглолицый жигит и светловолосый жигит поспешили удалиться.

Конь мчался, как вихрь. Айша не управляла его бегом. Изогнувшись, будто конец камчи, зорко вглядываясь в темноту глазами, освоившимися с мраком, она легкими ударами повода подгоняла коня.

Ей продолжало казаться, что крики, возгласы

«атан», «враги» еще преследуют ее. В промежутки между криками слышался конский топот.

Крики, топот доносились то справа, то слева.

Мягкий, как масло, ночной ветерок ласкал лицо Айши, ветер приятно освежал потные бока лошади.

Когда наконец возгласы и конский топот погони остались далеко позади, Айша перестала подгонять коня.

Вскоре все кругом погрузилось в глубокую ночную тишину. Ни единый звук не нарушал ее.

Айша натянула поводья, остановила коня и оглянулась. Разгоряченная лошадь не могла устоять на месте и беспокойно переступала. Ночь безмолствовала, будто проглотив все звуки. Казалось, вместе со всем остальным она проглотила и двух верховых жигитов - светловолосого и темнолицего.

Айша, сдвинув черные брови, внимательно вглядывалась в окружающую плотную тьму. Ее глаза, привыкшие к темноте, теперь могли бы издали различить любой предмет, но она ничего не видела.

«Иль проехали стороной?.. Иль что случилось?.. Иль схватили?.. Может, крикнуть?.. Нет, нельзя... Мой голос может привлечь погоню... Иль кто-нибудь чужой, неизвестный подъедет... Что буду делать, если меня обнаружит злой человек?» - взволнованно думала Айша. И тут же успокаивала себя: «Мне нужно спокойно продолжать свой путь. Лучшего ничего не придумаешь. Зачем мне стоять здесь неподвижно?.. Конь мой силен... Тем временем и те подъедут».

И Айша тронулась дальше.

Так ехала она, то и дело оглядываясь назад, пока наконец не подъехала к гряде холмов. Снова остановилась, оглянулась, прислушалась. Навострив уши, осторожно поводя ими, прислушивался и верный конь.

«Заблудилась!» - наконец решила Айша и посмотрела на небо.

Она искала «Жети каракши»¹, искала «Темир казык»².

Но мохнатые черные тучи заслонили все небо.

«Стоит человеку попасть в беду, как даже небо исчезает над его головой», - горько усмехнулась Айша.

¹Жети каракши - Большая Медведица.

²Темир казык - Полярная Звезда.

Она тронулась дальше, придерживаясь подножия холмов. Вдали показалась новая гряда возвышенностей.

Мысль Айши, билась будто человек, ищущий выхода из темного двора...

«...Как бы не наткнуться на новую беду. Бродяга... Волк... Такая темень... Джини, шайтан... Правдивы ли рассказы о нечистой силе?»

Зачем я пугаю сама себя... Не надо. Кантбале со страху невесту, что почудилось. Видно, правду говорят: у страха глаза велики, - тут же остановила себя Айша.

- Разве байбише Укежан, переодевшись жигитом, не умчалась верхом на коне в такую же вот темную ночь? Она плутала целый день и целую ночь... Под утро наехала па становище Турсекаена. Его жена напоила ее коже и только после того, как Укежан, снова вскочив на коня, спросила дорогу к аулу Кекене, байбише Турсекаена по голосу опознала в молодом жигите девушку.

А разве байбише Укежан не слабая, худая женщина? А я здоровая, сильная, подо мной прекрасный скакун. Чего мне бояться? Кого?» - думала Айша.

Айша внимательно оглядела себя.

«Разве я не настоящий жигит?»

Несколько раз останавливалась Айша, прислушивалась, вглядывалась и, ничего не заметив, продолжала путь.

«Заблудилась... это ясно», - наконец призналась она.

У подножья холма, высившегося справа, заметила Айша какие-то черные силуэты. У девушки похолодело сердце. Она остановила коня, стала приглядываться. Прислушалась. Черные тени хранили полное безмолвие. Ни звука, ни шороха. Айша тихо двинулась. Снова ни звука. Приблизилась - и увидела то ли обнесенный изгородью двор, то ли могильник. Айша, полная страха, поспешила объехать таинственное строение. Конь явно был не спокоен и взволнованно прятал уши.

Теперь определенно можно было сказать, что это не могильный памятник, а заброшенный двор зимовки.

Конь бежал, косясь на развалины, оставшиеся справа, и вдруг остановился, вглядываясь перед собой. Айша обмерла от страха. По спине пробежали мурашки. Конь навострил уши и уже не косил глазами по сторонам, а упрямо смотрел перед собой. Айша подобрала

повод и стала вглядываться. Прямо из-под земли донесся протяжный, жалобный не то стон, не то вой. Девушка задрожала всем телом.

«Джин... Шайтан... Волки... Волки...» - проносились в голове страшные догадки. Вихрем кружились мысли. Неистово колотилось сердце. Лоб покрылся холодной испариной. Конь захрапел и скакнул влево. Еще мгновение, и Айша свалилась бы с седла, но девушка удержалась и только сильнее стиснула колени.

Казалось, вой шел со всех сторон одновременно. Конь, метнувшийся было влево, скоро застыл как вкопанный и только испуганно озирался кругом.

Вой доносился и слева, и справа, и спереди. Вой приближался. Он не исходил из какой-то неподвижной точки, а все время менял положение. Наконец зоркие глаза Айши различили тени волков. Засветились, перемигиваясь, зеленые огоньки. Теперь уже было слышно, как животные с тоскливым воем царапали острыми когтями землю.

«Недавно волки загрызли Караная. На снегу остались лишь обглоданные руки и ноги», - обожгло Айшу воспоминание.

Конь дрожал нетерпеливо, будто перед состязанием, перебирал ногами, храпел. И конь и волки, повизгивая бродившие вокруг, внимательно следили друг за другом.

«От людей-волков спаслась, неужели погибну от зверей?» - подумала Айша.

Взор ее снова упал на полуразрушенные дворы зимовки, чуть видные в окружающей темноте.

Несколько мыслей сразу, как молния, мелькнули в голове девушки:

«Если сохранились ворота - спрятаться за ними с конем... А если изгородь низкая, если ворота сломаны, если изгородь кое-где обвалилась - значит, собственноручно отдам себя на съедение. Может, найду во дворе палку, стану размахивать, волки убегут... Говорят, что волки боятся верховых».

А волки смелели все больше и больше, подвигаясь все ближе и ближе. Зеленоватые огоньки глаз светились то там, то здесь.

- Эй!.. Айт!.. Айт!.. - крикнула Айша.

Конь захрапел, стал бить передними ногами. Волки, немного отступив, смешались с остальными.

Айша снова крикнула, оглянулась вправо, где чернел заброшенный двор зимовки, и помчалась туда.

Оглянувшись, она увидела, что пара волков неотступно следовала за ней.

- Эй!.. Айт!.. Айт!.. - снова крикнула Айша и остановила коня.

Стали и волки.

«Как быть? Здесь нет ни одной живой души. Куда я попала?» - подумала Айша.

Продолжая кричать и внимательно следя за волками, она двинулась дальше.

Волки последовали за ней.

Двор без жилья, пугавший вначале Айшу, теперь казался ей надежной защитой.

Наконец Айша подъехала ко двору. Конь косился на волков, следовавших сзади, и на изгородь, выросшую впереди.

Айша, уверенная в том, что двор необитаем, все же крикнула:

- Эй, кто там?.. Кто есть? Выходите, помогите.

Ответа не последовало.

Только волки, караулящие сзади, завывали громче.

Айша въехала во двор, огляделась, заметила копенку сена, обнесенную частоколом. Она подъехала к частоколу и, не слезая с коня, раскачала и выдернула кол.

Тем временем волки окружили двор. Один из них храбро выдвинулся вперед и, жалобно повизгивая, стал царапать землю.

Конь снова захрапел, снова стал бить передними ногами. Айша размахнулась колом и громко закричала. Волк отступил.

- Айт! Айт! - продолжала кричать Айша, гулко ударяя колом о землю.

Затем она снова вернулась во двор.

Здесь она внимательно осмотрела каждый уголок. Ворота отсутствовали. В маленькой избушке в глубине двора не было ни одного целого окна. Тогда Айша проверила все остальные дворы. И нигде не нашла ни одних уцелевших ворот.

А волки, оправившись от испуга, снова стали наступать.

Но как бы ни был плох двор, он был более надежной защитой, чем открытая степь. Айша поставила коня перед забором и, создав таким образом защиту с тыла, приготовилась к обороне.

Снова из общей стаи отделились несколько старых волков и стали подкрадываться ближе. Айша, не переставая кричать, стала ударять колом о забор. Волки снова отступили.

У Айши кружилась голова. Теперь уже она не могла бы понять, где восток, где запад.

Пока девушка отбивалась от волков, ночная мгла посерела, очертания окрестностей выступили явственнее.

Айша то и дело оглядывалась по сторонам, иногда поднимала глаза к небу.

Тяжелые низкие тучи, покрывавшие все небо, поднялись выше, поредели, в их просветы выглянули звезды, заблестел узкий, как нитка, серп луны. Но вот свет луны померк, горизонт побелел.

Айша, измученная ночной погоней, испуганная нападением волков, растерянная, увидя светящийся серп луны и светлый отблеск зари, несказанно обрадовалась. К ней вернулась утраченная сила. Теперь она снова нашла и восток и запад. Ободрился и конь.

Айша, оглядываясь по сторонам, пыталась узнать местность. Утраченная было отвага вернулась к ней, и она с удвоенной силой стала ударять колом о забор. Теперь уже волки не решались возобновить нападение, они отступали все дальше и дальше.

Тьма редела все больше и больше. Очертания окружающих предметов яснили. Волки, жалобно повизгивая, нехотя отступали от своей жертвы.

Вдруг из-за холмов, осененных ласковым светом зари, разрывая тишину, долетел долгий, протяжный звук. Затем он оборвался, но скоро снова возобновился. И опять оборвался.

«О, что это? Откуда?» - подумала Айша.

Она стала внимательно приглядываться к холмам и поднимающейся к югу от них цепи гор. Глаза ее вспыхнули огнем, будто увидели там того, кого безуспешно все время искали.

- Э! Э!! - громко крикнула Айша и, подстегнув коня, бросилась на стайку волков, которые, утратив смелость, поникшие, стояли вдали.

Волки съежились, поджали хвосты и, трусливо оглядываясь, побежали.

Айша некоторое время гналась за ними, а потом повернула коня в сторону тех холмов, из-за которых донесся протяжный звук.

Было светло. Волки скрылись вдали. Айша мчалась к холмам. Перед ней, на маленькой возвышенности, лежала груда камней - оба¹, издали похожая на стоящего человека. Неожиданно оба зашевелилась, будто человек сделал движение.

«Может, человек?» подумала Айша и уже осторожно, не отрывая глаз, стала подъезжать к оба сбоку.

Скоро девушка поняла, что никакого человека не было. Просто на вершине оба сидел беркут.

«Он очень похож на беркута Сеидвалия», - подумала Айша.

Беркут повернул голову и гордым, мужественным взглядом уставился на Айшу.

«И его, беднягу, таинственный звук разбудил раньше времени... Теперь уж волки не посмеют приблизиться», - усмехнулась Айша и оглянулась.

Вздрыгнул конь. Айша увидела, как беркут расправил крылья и взлетел.

Плавное взмахивая могучими крыльями, летел он навстречу заре. Он поднимался все выше и выше, круги его полета все ширились и наконец, блеснув в сиянии вари, беркут исчез за холмами.

Когда солнце, выглянув из-за гор, рассыпало по земле золото своих лучей, Айша, ехавшая навстречу рассвету, достигла нильденских холмов.

Нильденский завод, занявший западный склон холма, раскрывался перед глазами Айши, как нечто огромное и совершенно незнакомое.

Хотя Нильденский завод расположился на родной земле Айши, хотя ее родная волость носила имя этого завода, она никогда в жизни его не видела и знала о нем лишь по рассказам бывалых людей. Ее брат Сапар-гали, рабочий Нильденского завода, в свои редкие побылки постоянно рассказывал о заводе.

От него Айша много раз слышала о машинах, о длинных щелях печей, о каменом угле, которым топят эти печи, о шахтах, которыми прорыто нутро горы, о руде, таящей в себе желтую медь, об огромных каменных казармах, где живут рабочие, о лавках, полных всяких товаров, о русских и англичанах с чудным гортанным говором и о гудке - «шабаше», громко возвещающем начало и конец работы.

¹Оба - груда камней на какой-нибудь возвышенности. Ее складывают пастухи вблизи пастбища для отпугивания хищников.

Но то, что слышит ухо, не одинаково с тем, что видит глаз. Протяжный, долгий звук, донесшийся из-за холмов, сильно напугал девушку, и только теперь она догадалась, что до нее донесся рев гудка, знакомого ей по рассказам брата.

И вот длинные шеи завода пахнули в небо клубами черного дыма.

Айша отшвырнула кол, который все еще сжимала в руке.

Она повернула коня к группе юрт, приютившихся с западной стороны завода. Всего там виднелось до полутора десятков юрт самых разнообразных размеров.

Айша, бросая взгляд на завод, направила коня к ближайшим юртам. Вокруг заводских корпусов со множеством окон копошились рабочие. Скрипели возы. Мычали коровы, их гнали женщины в странной одежде, в платках, завязанных узлом, в длинных платьях с широкими подолами. Сновали ребятишки. Вокруг юрт мелькали казашки.

Айша с любопытством смотрела на невиданные длинные шеи, выбрасывающие в небо клубы дыма, па высокие дома, совсем не похожие на избушки в родном кыстау. Все было для нее ново - и множество окон в каждом здании, и непрерывный шум, и внешность женщин. Из всей развернувшейся перед ней картины понятными были только кое-какие низкие пристройки да войлочные юрты.

Невольно Айша сравнила высокие заводские строения с жильем казахов. И до чего же убогими показались ей летние войлочные жилища казахов, низкие зимние избушки, кое-как слепленные из камня и глины.

Зародилась уверенность в том, что, кто укроется на заводе, кого завод возьмет под свою защиту, тому не страшны степные волки в каком бы облиции они ни были.

Айша подъехала к юртам. Здесь ей повстречались две казашки, гнавшие коров в стадо.

- Э, голубушка, откуда едешь в такую рань? - обратилась к Айше старшая.

- Из аула. Мои спутники отстали. Я обогнала их... Здесь на заводе работает мой брат Сапаргали. Я еду к нему. В которой юрте он живет? - спросила Айша.

Женщины переглянулись.

- Сапаргали?.. Какого рода?.. - снова спросила старшая

- Какого? Нашего... Тока, - сказала Айша.

- Здесь много народу из рода Тока... Мы вот тоже Тока. Твой Сапаргали не доводится ли родственником Шуленбау и Бийжану? - спросила вторая.

- Да, да...- обрадовалась Айша.

- А... Они живут вон там, в крайней юрте. Если не ушли на утреннюю смену, сейчас должны быть дома. А ты, значит, родственницей доводишься Сапаргали?

- Да.

Когда Айша подъехала к крайним маленьким юртам, из одной из них вышла молодуха с парой ведер в руках. Увидев Айшу, она остановилась.

- Здравствуйте. Не знаете ли вы Сапаргали? - спросила Айша.

- Знаю. А вы кто?

- Я его младшая сестра.

- Он в этой юрте.

- Он дома?

- Дома. Спит.

Айша тронула коня и скоро остановилась подле указанной юрты.

Молодуха с любопытством смотрела ей вслед. Айша, не обращая на нее внимания, слезла с коня и привязала его недоуздом к бильдеу¹. Конь отряхнулся, звякнул удилами.

«Вылитый жигит», - удивленно подумала молодуха.

Когда Айша, отодвинув щеколду на деревянной двери, вошла в маленькую юрту, какая-то молодая женщина, откинув край полога и высунув оттуда лицо, спросила:

- Кто там?

Айша не отвечала ей, смотрела на трех мужчин, лежащих на полу.

- Сапаргали здесь? - наконец спросила она.

- Здесь... А ты кто?

- Я его младшая сестра.

- Ой, боже... В темноте не опознала... Эй, вставайте, - заторопилась женщина.

Вскочив с постели, она быстро покрыла голову платком, набросила платье и как была босая подскочила к Айше.

- Голубка, милая откуда? Одна приехала? Отку-

¹Бильдеу - нежная поясная веревка юрты

да? А? Тундык закрыт, а в темноте я и не узнала тебя, - заохала женщина и стала будить спящих:

- Эй, Сапаргали? Вставай! Айша приехала!

Проснулись все обитатели юрты. Женщина живо откинула тундык. Сапаргали, высокий, плечистый жигит, уставился на девушку мутными от сна глазами!

- Ой, Айша, ты?

Скоро все сидели, увлеченные разговором. Слушатели то и дело перебивали рассказ Айши, заставляли дважды повторять только что сказанное. Кровь кипела у Сапаргали, когда он слушал о случившемся.

Остальные были взволнованы не менее. Проделка Айши, Абиля и Алькея пришлась всем по душе.

- Где же Абиля и Алькей? Неужто вернулись обратно? - спросил Сапаргали.

- Не знаю. Не должны вернуться. Ведь у них была ясная цель - доставить меня сюда и здесь устроить. Так как же они вернутся, не узнав, что со мной? Может, с ними что случилось? - вздохнула Айша.

- Или попали в руки врагов? - сказал Садвакас, муж молодой женщины, встретившей Айшу.

- Уж конечно они выбрали лучших коней из табуна Жуленбая, - сказал Сапаргали.

- Они двое стоят десятерых, - заметил третий собеседник - Арын.

- Разве Алькей - конский пастух Жуленбая? - спросил Садвакас.

- Да. Он уже два года работает у Жуленбая, - ответила Айша.

- Хотел бы я знать, сказали ли они о своем отъезде остальным пастухам Жуленбая? - снова сказал Садвакас.

- Может быть, и сказали. Они оба были на его конях.

- Не беспокойтесь. Если они и попали в руки врага, Бименде не посмеет задержать конских пастухов Жуленбая, - успокоил друзей Сапаргали.

- Ойбай, неужто ты думаешь, что они, имея крепких, сильных лошадей, могут попасть к ним в руки? Абиля один десятерых стоит... А разве Алькей слабее его? - подхватил Садвакас.

- Они потеряли Айшу - теперь, вероятно, разыскивают ее, - решил Сапаргали.

- Да, да... Именно так, - поддакнул Садвакас.

- Самое лучшее то, что Айша с нами. Теперь уж явится сам господь бог, так и он не получит ее, - решительно заявил Сапаргали.

- Конечно. Никто не вырвет Айшу из наших рук, - сказал Садвакас.

- Они и сами, наверное, потеряли надежду, - решили остальные.

Жена Садвакаса, Гульжихан, хлопотала вокруг самовара, то и дело выходила из юрты, но все внимание ее было сосредоточено на общем разговоре. Изредка она вставляла свое замечание, задавала какой-нибудь вопрос.

- Кодай-ау! Вы подумайте, что за герой наша Айша! - ахала она.

- Э, чего ей бояться? Разве она не взрослый человек?.. Поторопись с чаем... Теперь не только сыну Боранбая, но и сыну бога ее не отдадим, - сказал Садвакас.

- Э, конечно, зачем отдавать? - вторила жена мужу.

- Я пойду переговорю с ними, - поднялся Сапаргали.

- Ступай.

После полудня к маленькой юрте Сапаргали и Садвакаса подъехали две сивые лошади. Обе были в мыле.

Абиля и Алькей ночью сбились с пути, долго искали Айшу, сначала вместе, потом порознь, и наконец поодиночке приехали на завод.

Теперь они отдыхали. Голова Абиля завязана платком. Несколько ударов врагов не прошли зря. Поверх повязки он надел тумак да так и прилег. Айша легла за пологом на постель Садвакаса.

- Отведи обоих коней во двор Жолдыбека, привяжи рядом с рыжим конем. Пускай остынут. Жене Жолдыбека скажи, чтобы присмотрела за ними, - сказал Сапаргали Арыну.

Арын ушел.

- Ну как, Абиля, голова болит? - спросил Садвакас.

- Нет, не болит. Но я устал, ведь не спал две ночи, - отозвался Абиля.

Алькей приподнялся с подушки и тихонько рассмеялся.

- Эта голова и не такие виды видывала.

- Шкура-то оказалась крепче воловьей, - улыбнулся Сапаргали.

Все расдохотались.

- Оставь их. Пусть отдохнут маленько, подремлют, - сказал Садвакас и тут же восхищенно добавил: - Ловко же вы рассчитались с Бименде и Сулейменом. Должную расплату получил они.

Когда заходящее солнце спустилось до гребня гор, лошадям дали корм.

Сапаргали и Садвакас работали в вечерней смене. Перед уходом на работу они отвели Айшу к мастеру Ибраю.

Абиль и Алькей уже были на конях, готовые тронуться в обратный путь.

Распрощались.

Их провожали уже переодетые в спецки Сапаргали, Садвакас, Арын. Тут же стояли Сергей, Гульжихан и несколько соседей рабочих.

Садвакас обратился к отъезжающим.

- Если возникнут какие-нибудь неприятности, приезжайте на завод. Будете здесь работать. Вот он, - указал он на Сергея, - вам поможет.

- Да не беспокойтесь. Если что случится, катите сюда, - сказал Сергей.

- Мы ни у кого ничего не взяли. Что могут с нами сделать? - ответил Абиль.

- Я на всякий случай говорю, - пояснил Садвакас.

- Мы не забудем вашу заботу, - поблагодарил Абиль.

- Да, помните. Не так ли, Сергей?

- Конечно, конечно.

- Ну, до свиданья. До свиданья. Айшу берегите пуще правого глаза.

- Айша теперь на заводе, среди нас. О ней не беспокойтесь.

- До свиданья. Будьте здоровы.

Жигиты тронули коней. Все ласково смотрели им вслед.

Загудел вечерний гудок - призыв к работе.

Жигиты удалялись все дальше и дальше.

В вагонах смерти

атамана Анненкова

Прежде чем пережить ужасы в «вагонах смерти», мы побывали в лагере военнопленных в городе Петропавловске.

Нас провели по главным улицам и заперли в лагере, расположенном на окраине города. Скотный двор богатого скотопромышленника был гораздо лучше нашего нового места заключения.

Нас посадили в длинный барак, кое-как сколоченный из тонких досок и такими же досками покрытый. Местами в крыше и в стенах доски выпали, в щели дул ветер и заносился снег.

Весь лагерь состоял из пяти-шести таких барakov.

В двух из них находились австрийские и немецкие солдаты, пленники империалистической войны; в одном бараке держали красногвардейцев, взятых в плен при свержении советской власти в Акмолинской губернии. В него нас и поместили.

Внутри барака неряшливо сколочены нары из четырех-пяти досок.

Здесь сидели человек десять в рваных серых шинелях. Ни один из них не был похож на живого человека. Кожа прилипла к костям, в лице ни кровинки. Глаза глубоко западали в глазницах и застыли льдом. Как будто живые мертвецы. Они напоминали лунатиков.

От неожиданности мы на мгновение остановились. Затем стали торопливо здороваться с узниками и расспрашивать их. Среди них оказались два красногвардейца из Акмолинска.

Осенью около шестидесяти красногвардейцев, попавших в плен в Акмолинске, были отправлены в Петропавловск. Часть была освобождена, большинство же погибло. Одним из оставшихся в живых оказался бывший командир красногвардейцев Капулов, другой - раненный в ногу - рядовой красногвардеец.

Мы тесно окружали каждого арестанта и расспрашивали. Среди них двое оказались татарами. Один, из Петропавловска, был свежее и бодрее других. От него мы узнали многое.

После этой встречи мы стали осматривать барак. Мой взгляд упал в угол барака. Там что-то шевелилось. Меня охватил ужас: шевелился человек - под ним грязное белье, а сверху старая шинель. Он лежал на замерзшей земле. Полные тоски и безмолвного ужаса, мы смотрели на него.

Это был наш пленный красногвардеец, бессильно борющийся со смертью. Иссохшая кожа покрывала скелет. От невыносимой боли он стонал. Отмороженные пальцы ног раздулись, отваливались. Десяток оставшихся в живых товарищей не были в состоянии помочь ему.

Дождем посыпались вопросы татарину и Капулову, которые еще крепились: «Что это? Как это?..»

По их рассказам, все муки, пережитые нами, оказались обыкновенными по сравнению с тем, что пережили они здесь. Мы слушали их, и мороз пробегал по коже, волосы на голове вставали дыбом. Кто же не возмутится, кто же не проклянет палачей, кто же от Злости не плюнет на землю!

Их бросили сюда, в этот барак; иногда давали ведро некипяченой воды и немного черного хлеба, обуглившегося сверху, сырого внутри. Стужа и голод унесли уже многих. Рваная одежда не могла их защитить.

При виде стонущих, умирающих медленной тяжелой смертью товарищей судорогой сводило горло и возмущение клочкотало в груди. Росла ненависть, от боли скрипели зубы, пальцы невольно сжимались в кулак.

Тот же татарин рассказал нам, как в Петропавловске при свержении советской власти были убиты наши товарищи, как был убит начальник отряда вооруженных казахских рабочих Петропавловска Искак Кабеков, один из их вождей Гали Есмагамбетов, еще один из руководителей рабочих казахов, член Петропавловского совдепа Сутюшев и матрос Зимин, который прибыл из Акмолинска перед нападением белых, и многие другие.

Жизнь и смерть каждого из них стоит целой книги.

Мясник, который убивает какое-либо животное ради шкуры и мяса, и тот не насмехается над своей жертвой так, как глумились белые, убивая, предавая мучению пленных большевиков.

Все, что было у нас съестного и одежды, разделили всем.

Прежние арестанты поели и стали немного походить на людей - на их лицах появился чуть заметный румянец.

Сердце сжималось, глядя, как они с жадностью смотрели на чужие куски и, торопясь, захлебываясь, ели свою долю. Их глаза как будто возвращались на свое место из глубины впадин. Дрожа, костлявыми пальцами они отрывали хлеб; впалые щеки быстро шевелились при еде. В широко раскрытых, остановившихся глазах была одна мысль - хлеб!..

Вот до какого звериного состояния довели людей «господа», которые везде гордились своей культурностью, ученостью и всюду кричали о «человеколюбии»...

Лежим на мерзлом земляном полу барака. Дверь охраняют атамановы молодцы. У них вид богатырей, победивших своих злейших врагов. Когда мы подъезжали к Петропавловску, от слуха, что Оренбург, Уфа заняты красными, атамановы холопы как будто духом пали. Теперь они воспрянули и опять обнаглели.

В нашей группе, состоявшей из меня, Бакена, Абдуллы, Джумабая, Баймагамбета, - у всех после раздачи продуктов голодным товарищам не осталось ничего, и мы остались сами голодными. Джумабай и Абдулла, собираясь закупить в городе провизии, вы-

нули сто рублей, спрятанные в каблуках сапог Абдуллы.

Караулившему нас у дверей моему племяннику Джумабай передал деньги. Племянник, получив деньги, после смены ушел в город. Мы, нетерпеливо ожидая его прихода, утомились и заснули.

Настало утро. Арестанты вставали бледные и истощенные, как мертвецы из могилы.

Изголодавшись, мы взяли немного из провизии, оставшейся еще у наших товарищей. Через некоторое время часовым у дверей стал мой племянник. Джумабай и Абдулла пошли к нему узнать о провизии. Мы наблюдали со своих мест. Они возвратились от дверей возмущенные, с искаженными лицами и сказали:

- Продуктов нет. Твой племянник глумится над нами. Он отрицает получение денег.

Джумабай и Абдулла еще раз посмотрели на стоявшего у дверей часового и попросили меня:

- Ты иди, скажи, пусть возвратит деньги: может быть, он уважит тебе, а на нас он смотрит зверски.

- Говорите сами, - ответил я. - Я ему денег не давал. Как же буду спрашивать?

Но они все настаивали, и я был вынужден идти.

Я подошел к племяннику.

- Что же это? Почему ты отказываешься?

- Что вы, они врут! Они мне денег не давали. Разве я позволю сделать что-либо плохое там, где вы находитесь? Они обманывают вас!..

Я так и не добился ничего. Оставив все надежды, мы злобно молчали.

Перед заходом солнца, бряцая оружием, в лагерь пришли солдаты опять гнать нас. На их шинелях были знаки отряда атамана Анненкова.

Мы наскоро собрали свой скарб, забросили на спину постели; торопливо попрощались с остающимися в бараке и вышли.

Дул холодный ветер. Клонило к бурану. Мы шли мимо города без дороги, без тропы, по довольно глубокому снегу. Летящий снег временами словно заигрывал, временами опускался тихо и расстилался под ноги. Согнувшись под тяжестью вещей, мы тяжело передвигали ноги. Лишь сверху чуть примерзший снег местами глубоко проваливался.

Нас вели к вокзалу. Около вокзала прохожие удивленно останавливались и глазели на нас.

Атамановы холопы кричали:

- Уходи дальше!..

Публика испуганно шарахалась в стороны и убегала прочь.

Кругом нас, держа винтовки наготове, шли анненковцы.

Мы остановились около двух вагонов, предназначенных для перевозки скота, положили свои вещи на землю. Один из старших конвоиров привел с собой какого-то железнодорожного служащего. Тот открыл вагоны, около которых мы стояли, и тщательно осмотрел их.

- Ну, теперь делитесь на две группы и заходите в эти вагоны! - приказали нам.

Мы разделились, вошли и угрюмо расселись на нарах. Посреди вагона стояла железная печка. Вместо окна была одна маленькая отдушина с железной заставой. Ее наглухо закрыли. Дверь вагона тоже заперли извне.

Оставив у вагона часовых, остальная часть конвоя ушла.

Подавленные, мы сидели в темноте и тихо разговаривали. Через некоторое время дверь открыли. Был уже вечер.

Анненковские солдаты дали нам две буханки хлеба. Второму вагону тоже дали столько же хлеба.

- Выходите по одному из каждого вагона за кипятком! - командовали нам. Солдаты, принесшие хлеб, захватили с собой и ведра. Один из конвоиров предупредил:

- Если хоть один из вас вздумает бежать, на месте же будет расстрелян!

Конвоиры повели наших за кипятком. Дверь вагона затворили. Один товарищ зажег огарок свечки.

Вскоре вернулся товарищ. При еле заметном мерцании огарка мы пили чай. Немного согрелись и стали разговаривать. В вагоне было холодно, в зияющие дыры безжалостно задувал ветер.

От нашего горячего дыхания гвозди покрылись инеем. С переходом в вагон мысли как будто стали глубже, мозг работал напряженнее. У долго сидящего на одном месте человека мысль работает всегда четче. С начала июня тысяча девятьсот восемнадцатого года по пятое января тысяча девятьсот девятнадцатого года мы сидели в Акмолинской тюрьме. Из них два месяца

были по рукам и ногам скованы кандалами, со дня на день ожидали смерти. В течение семи месяцев каждый день терпели издевательства всякого начальства, были предметом мести вооруженных бандитов.

Наконец пятого января тысяча девятьсот девятнадцатого года нас погнали в Петропавловск. Половину этой дороги в невыносимо тяжелых условиях прошли пешком. Каждый из моих товарищей доволен тем, что нас все-таки повели; каждый хотел скорее увидеть, что суждено ему. Путь Акмолинск - Петропавловск прошли в тринадцать дней и увидели лагерь Петропавловск.

И вот теперь мы в темном и студеном вагоне. Куда теперь нас повезут, что предстоит испытать там, когда же и какой конец всем этим мукам, кто из нас как встретит его?..

Нас как будто повезут в Омск. Говорят, в Омске будет суд... Какой суд? За что? Пусть!.. Лишь бы скорее.

Ночью наши вагоны тронулись; их начали гонять взад и вперед.

Так продолжалось довольно долго. После семи - восьми месяцев в тюрьме грохот, шум вокзала, движение паровоза, вагонов, громкий говор людей, свистки кондукторов, гудки - все это было ново, непривычно. Там, за стеной вагона, был другой мир, недостижимый для нас, арестантов. Долго маневрировали. Наконец повезли.

Рассекая зияющую темноту, тяжело пыхтя, размашисто пустив по встречному ветру свою густую, косматую гриву, шел вороной жеребец. Куда, к кому и зачем?..

Приехали в Омск. Наши вагоны поставили в тупик на одной из многочисленных линий.

Из узких щелей вагона еле проникал свет восходящего дня, и непроглядная темень сменилась полумраком. Нашелся перочинный ножик, мы расковыряли им щели. В пих проникли золотые нити красного солнца. Глаза начали привыкать к полутьме, и мы могли различать друг друга. Голод стал ощущаться сильнее. Мы попросили конвоиров дать нам кипятку.

Два конвоира, взяв двоих наших, отправились за кипятком. Мы выпросили немного дров для железной печки и затопили. В вагоне стало теплее, а у печки так жарко, что нельзя было сидеть. Железная печь

накалилась докрасна. Голодные, мы согрелись и повеселели. Принесли кипятку. Конвоиры раздали порции хлеба, раньше хлеб выдавали ежедневно, а теперь стали выдавать раз в два дня.

Мы сидим вокруг раскалившейся печки, жаримся, пьем кипяток и едим хлеб. Иней по бокам щелей растаял и капает. Все железные части вагона покрылись паром. Чем жарче становится печь, тем более ширится круг и оттаивает иней, слезой капает вода. А там, за стенами вагона, трескучий сибирский мороз. Гудки паровозов, взад и вперед марширующих мимо нас, пересекают морозный воздух.

Перед вечером мы опять попросили кипятку. Двое конвоиров, так же, как и днем, захватив двоих наших, отправились за кипятком. С разрешения старшего конвоира мы отправили кое-какие свои лишние вещи на продажу и поручили купить хлеба, табаку, бумаги, конвертов и почтовых марок. Все это было доставлено. Даже осталось немного и денег.

В вагон вошли старшие конвойной команды. Все наши знакомые, наши конвоиры еще от Акмолинска. Они все время выпрашивали у нас лучшую одежду: хорошие сапоги, хороший тымак (головной убор) и бешметы. Кое у кого они успели взять, а некоторые обещали дать им по приезду в Омск. Теперь они пришли опять за вещами. Мы дали им все, что они просили. У меня сняли с головы хороший лисий тымак, вместо него я получил вязаную шапку английского военного образца.

- Ну как, что с нами будут делать? - спросили мы.

- Что же могут сделать? Комиссия расследует и отпустит.

- Куда нас повезут, в тюрьму? - опять спросили мы.

- Не знаю, но куда бы вас ни повезли, теперь скоро расследуют... - был ответ конвоира.

- Хотя бы скорей повели куда хотят, в вагоне становится невыносимо.

Старшие конвоиры были в веселом настроении. Они получили от нас все, что хотели, и успокоились.

- Ну, ну, ничего, потерпите немного, все пройдет, во времена революции все может быть! - успокаивая ответили они.

Они еще немного потоптались и, закрыв на замок вагон, ушли.

Мы написали письма знакомым и друзьям в Омск. Джумабай написал одному своему родственнику, учившемуся в Омске. От имени Бакена, Абдуллы, моего и Джумабая коллективно составили письмо Джанайдару. Он тогда тоже еще учился в Омске. Я еще написал письмо Мухану Айтпенову. Русские товарищи также написали от себя своим знакомым. Что в это время делали наши товарищи в соседнем вагоне - мы не знали. Иногда, очень редко, когда открывались двери обоих вагонов, мы успевали перебраться с ними парой-другой слов.

- Ну, товарищи, как же отправим письма? - спросил Трофимов.

- А разве нельзя будет опустить их, когда пойдут за водой?

- Конвоиры могут не согласиться на это.

Большинство из нас уверенно пробурчали:

- Ну, почему не согласятся? Согласятся!..

Встал Катченко, ходивший продавать наши вещи, и, обращаясь ко всем, заговорил:

- Товарищи, знаете что? Ведь кольцо мы продали в одну лавочку, она недалеко от водогрейки расположена. Хозяйка лавки спросила, кто мы такие. Я рассказал. Она совершенно изменилась, отказалась брать кольцо и все что нам нужно, хотела дать даром. Но ей насильно вручили кольцо. Она дала все, что мы вам принесли, и вдобавок дала денег. Когда она упаковала покупку, я тихо спросил у нее газетку. «Сейчас нет, но я приготовлю, приходите еще», - сказала она. Теперь уже вечер. Отпросимся у конвоира за водой, попутно опустим письма и получим от лавочницы газетку.

Все мы остались очень довольны вниманием, которое проявила к нам незнакомая лавочница.

- Вот хорошо! Пусть будет так. Пойдешь ты сам, - предложили мы Катченко.

- Давайте просить воду сейчас, - сказал товарищ Шафран и начал стучать в дверь.

Пришел конвоир и, обещав передать начальству наше желание, ушел. Через некоторое время пришли конвоиры, открыли дверь, взяли из каждого вагона по два человека, в том числе и Катченко, и повели за кипятком и за покупкой необходимой нам провизии.

Полутемный вагон с наступлением сумерек стал совершенно темным. Тихо разговариваем. Издали слышится шум вокзала, грохот вагонов и гудки паровозов, свистки кондукторов. Чувствуется пульс свободной жизни, кипящей там, на воле.

Докрасна накалившаяся печка остыла; опять покрылись инеем железные части внутри вагона; лужа оттаявшей воды опять превратилась в ледяное пятно. Щели, откуда со свистом проникал к нам холод, покрылись толстым слоем инея. В вагоне стало холоднее прежнего. Все мы были усталы, истощены. Исхудалое тело скоро почувствовало холод. Никто не знал, что с нами будет. Каждый высказывал свои грустные мысли. В нашем вагоне находились тт. Катченко, Шафран, Авдеев, Кондратова, Мопин, Павлов, Дризге, Кременской, его зять Богомолов, Трофимов, Мартелло, другой Монин, я, Патрикеев, Абдулла, Бакен, Джумабай, Ананченко, Котов. Остальные товарищи, около двадцати человек, находились в другом вагоне.

Через некоторое время вернулся Катченко. Как только закрыли вагон, начали спрашивать, как снесли письма и есть ли газеты. Катченко самодовольно улыбнулся.

- Все, все сделано. И письма сдали, и газету захватили.

Он вытащил из кармана пачку табаку, завернутую в газету.

- Кто будет читать? Кто лучше читает? Иван Павлович, пусть Иван Павлович прочтет!

Огарок свечи был зажжен. Иван Павлович (адвокат Трофимов, левый эсер) начал внятно, не торопясь читать.

У всех внимание сосредоточилось. Газета была омская, орган колчаковского правительства.

В ней говорилось: «Большевики-кровопийцы, мародеры грабят Россию; в местах, захваченных большевиками, кроме большевиков никого не осталось, всех перерезали» и т. п. А также: «На фронтах наш такой-то доблестный полк в районе Стерлитамака от такого-то до такого-то места угнал краснокожих. Дни большевиков сочтены. С наступлением лета большевизм распадется. Совдепия под блокадой. Железное кольцо с каждым днем теснее сжимает совдепчиков. Больше они никуда не могут скрыться».

Телеграфное агентство Рейтер сообщило о взятии

войсками Юденича Петрограда. Подобными «радостными и успокоительными» сообщениями была полна вся газета. Но были и не очень «радостные» сообщения, вроде: «ввиду стратегических и т. д. соображений, наши доблестные войска в полном боевом порядке покинули гор. Уфу». И еще: «Наши непобедимые орлы снова начали наступление на Оренбург».

От множества новостей товарищи в вагоне оживились, разговорились. Каждый спешил поделиться своими впечатлениями от услышанного. Узнав, что Уфа и Оренбург находятся в руках наших, мы воспрянули духом. Снова затопили печку. При свете горевших дров снова и снова читали газету, и долгое время в нашем вагоне не смолкал сдержанный, тихий говор.

Настала полночь. Кутаясь, разместились и заснули. Вагон, вместе с нами похожий на громадный сундук ненужных вещей, смолк.

Утром темнота в вагоне сменилась полумраком. Из щелей невыносимо веяло холодом. Одежда товарищей, расположившихся у стенки вагона, примерзла. Извне слышался скрип свирепствующего мороза. Мы встали, дрожа от холода. Не было дров для печки. Через некоторое время пришли конвоиры на обыкновенную очeredную проверку.

Большинство солдат новые, незнакомые, у них свои старшие. Все они, вплотную столпившись у вагона, разглядывали нас, как лютых зверей. Наши тоже рассматривали новых «непрощенных гостей». Один из старших старого состава по одному представлял нас новому старшему. Тот, в свою очередь, пересчитывал и записывал в свою книгу. Потом они пошли в другой вагон. Из второго вагона они направились к третьему вагону, занятому конвойной командой. Мы наблюдаем из щелей. Вскоре старые конвоиры ушли. Остались все новые. Через некоторое время новые солдаты открыли оба вагона. Вывели освежиться. Торопясь, как попало умылись. Попросились пойти за кипятком. Из двух вагонов четверо пошли за кипятком и хлебом.

Осторожно попробовали заговорить с конвоирами. Большинство похожи на школьников, молодые парни. Их обмундирование было таким же, как у первой команды. Они также оказались из отряда атамана Анненкова. Большинство - учащиеся, добровольцы. Их обращение показалось нам немного мягче.

- Придут ли еще старые конвоиры? - спросили мы.

- Нет, теперь они не придут. Теперь охранять будем мы. Нас три-четыре смены, - ответил нам один из них.

Таким образом в ледяном полумраке проходили дни за днями, серые, однообразные. «Казна» отпускала хлеба недостаточно, только раз в два дня, не больше одного фунта на каждого. Товарищи ослабели. Все, что было лишнее и можно продать, продали; на вырученные деньги покупали хлеб. Хлеб, разрезанный на тоненькие кусочки, делился между всеми. Выпрашивали у солдат дров и топили печку. Лед оттаивал, превращаясь под ногами в грязную лужу, и вскоре опять замерзал. Как только затапливали печку, с потолка и стен падали капли, увеличивая грязь и лужу. С каждым днем ледяная кора на полу вагона становилась толще и толще. Для спуска воды просверлили в нескольких местах пол.

Солдаты, укрываясь от холода, иногда захаживали в наши вагоны. По нашей просьбе они немного приоткрывали двери вагона, и к нам проникал солнечный свет. Мы осторожно стали заговаривать с конвоирами на политические темы. Однажды я спросил часового:

- Какое теперь правительство в России?

- В местностях, очищенных от большевиков, всюду восстановлено народное правительство, - ответил он.

- Где же находятся большевики? - спросил я.

- В России...

- Что это за народное правительство, республика, что ли?

- Нет, теперь Временное правительство.

- А разве не адмирал Колчак?

- Да, Колчак - верховный правитель. Как только победим большевиков, тогда созывается национальное собрание, где представители народа сами определяют форму государственного управления.

Мы долго говорили с ним. Он воспитанник Омской сельскохозяйственной школы, в отряд Анненкова поступил добровольно.

- Как вы думаете, что лучше - республика или царская власть? - снова спросил я.

- Конечно, республика лучше, - сказал он.

- Вот сейчас, например, адмирал Колчак является Верховным правителем. Он диктатор и управляет

страной единолично. Если он завоюет всю Россию, как по-вашему, какое будет правительство?

- Ну, тогда национальное собрание определит по своему усмотрению. Какое правительство оно захочет, то и будет.

- Вот вы сейчас говорили, что где нет большевиков, там народное правительство. Как же может быть народное правительство, когда властвует диктатор?

- Ну, что же! Если сейчас и не народное, но потом-то будет.

- Когда это - потом?

- Ну, вот когда созывается учредительное собрание, тогда и будет.

- Нет! Учредительное собрание этого не скажет. В учредительном собрании будут заседать адмиралы, генералы, офицеры высших чинов, дворяне, интеллигенция и богачи - сказал я. - Они с желанием народа, трудящейся массы, считаться не будут. Всем им желательно, чтобы масса оставалась по-прежнему темной...

Слушавшие нас некоторые из моих товарищей знаками дали понять, что я зашел далеко. Мой собеседник-солдат призадумался.

- Почему так думаете? Может быть, народ избегает таких представителей, которые отстают желания массы.

- Нет, когда у власти находится диктатор, народ не сможет выбрать таких представителей.

Прошло шесть-семь дней.

Однажды нам послышалось, что с нашим конвоиром кто-то разговаривает. Мы прислушались и начали наблюдать сквозь щели. С нашим конвоиром на довольно большом расстоянии разговаривал какой-то казах.

Конвоир приоткрыл дверь вагона. Я и еще кое-кто, высунув головы, посмотрели. Казах поздоровался с нами. На нем было поношенное пальто, на голове нахлобучена заячья шапка.

- Вы не из Акмолинска будете? - спросил он нас.

- Да, да! А вы кто?

- Я родственник Джумабая Нуркина. Где он сейчас находится?

Сидевший в вагоне Джумабай сорвался со своего места, высунул голову и, захлебываясь от радости, поздоровался. Казах оказался родственником Джумабая, учившимся в Омске, Курмангалием Туяковым. Он, поговорив немного, пообещал навестить нас и ушел.

Увидев близкого нашему товарищу человека, все мы приободрились.

Курмангали сдержал свое обещание, пришел на следующий день. Принес нам один чайник и четыре жестяных кружки. Немного поговорили. Оказалось, что он о фронте знает столько же, сколько и мы, и то только по газетным сообщениям.

- Уфа и Оренбург давно взяты большевиками, - сказал он. Еще он добавил, как в декабре большевики, эсеры и меньшевики сообща устроили в Омске заговор против Колчака. - Жаль, что не удалось. Вот была бы потеха. Эсеры подгадили - все было хорошо задумано. Ночью в первую очередь была захвачена тюрьма и освобождены все узники. Потом почти всех снова засадили. Шаймардан Альжанов и Альбай Тогусов вместе с другими вырвались на свободу. Один день они скрывались у Кудеры-муллы, в другую ночь ушли в степь. Об этом узнали здешние алаш-ордынцы и отправились за ними в погоню. Настигли их в одном казахском ауле на расстоянии двух дней езды от города и привезли обратно. Тогусов умер. О Шаймардане ничего не знаю.

- Кто же из алаш-ордынцев все это сделал? - спросили мы.

- Один из них был наш Казы Турсанов.

Казы Турсанов - родственник нашего Джумабая. Сам Турсан - один из известных «дельцов» Петропавловского уезда, двадцать пять лет прослужил волостным управителем, удостоился царского внимания и получил от самого Николая награду. Теперь начинает отличаться его сын Казы. Он член казахского алаш-ордынского комитета Акмолинской области.

Однажды он, не поладив с алаш-ордынцами губернии, присоединился к Кольбаю и вместе с ним основал партию «Уш-Жуз». Но не долго он оставался в «Уш-Жузе» - скоро остыл и опять пошел по старой отцовской дороге - к алаш-ордынцам.

И вот теперь два алашца, догнав двоих узников освободившихся волей народного негодования из колчаковской тюрьмы, предали их Колчаку. Освободители - большевики и эсеры, а предатели - алаш-ордынцы. «Хвала и слава» предателям!..

Мы подробнее стали расспрашивать об этом событии. Суть дела была такова. В декабре тысяча девятьсот восемнадцатого года начальство Верховного прави-

теля Колчака достигло высшей точки, перешло всякие границы. Подпольная организация большевиков Омска решила устроить восстание. Эсеры сначала были сторонниками Колчака, но когда последний стал тревожить их актив, они перешли в лагерь противников Колчака. И вот в декабрьском восстании, организованном большевиками, участвуют и эсеры. Составляется план ночного захвата города. Центр руководства восстанием намечается в вокзале.

Ночью одна из боевых дружин должна захватить тюрьму и освободить арестантов. В это время другой отряд должен занять центральную телефонную станцию. Затем в плане были захват казачьего полка, освобождение всех военнопленных австро-германцев, мадьяр и красногвардейцев из лагеря. Таким образом, одновременным захватом различных стратегических пунктов (не давая противнику очнуться и связаться), должен был совершиться переворот.

Двадцать второго декабря, ночью, отряд большевиков захватывает казачий полк, освобождает арестантов, Отряд эсеров не может захватить телефонную станцию, Колчаковские псы снюхиваются и врасплох захватывают большевистское ядро, руководившее восстанием. Большевистские отряды оторваны друг от друга. Некоторые из них, ожидая распоряжений штаба, сидят в условленных местах и бездействуют, не зная, где что делается. Среди них Джанайдар Садвакасов и Диньмухамет Адилов.

Поднимается тревога. Колчаковские войска наскоро приводятся в боевой порядок. Атаманы и офицерство во главе с надежнейшими солдатами выходят на улицу. Начинается перестрелка. Город охвачен ужасом. У обывателя сердце холодеет. Он дрожит за свою шкуру.

Большевиков небольшая кучка. Запас боевых припасов незначителен, отряд восставших мал. Он не может бороться с тысячами хорошо вооруженных солдат Колчака. Большевики, отстреливаясь, отступают к станции. У вокзала наспех сооружаются баррикады. До зари идет отчаянная, неравная борьба.

На следующий день оставшиеся в живых большевики отстреливаясь отступают.

Переворот не удался. Омск был лишь потревожен.

После подавления восстания колчаковское правительство озверело. На следующий же день был выпу-

щен строжайший приказ: «Все укрыватели большевиков будут беспощадно расстреляны. Город и его окрестности будут тщательно обысканы. Предлагается всем освобожденным добровольно явиться. В противном случае пойманные арестанты будут расстреляны на месте» и т. д.

Двадцать эсеров, большинство - члены учредительного собрания, бежавших из тюрьмы, по малодушию добровольно явились на милость Колчака. В ту же ночь они были расстреляны.

Алаш-ордынцы воспряли духом. Поймали и предали Колчаку бежавших из тюрьмы Шаймардана и Кольбая.

Стали преследовать Джанайдара Садвакасова, обвиняя его в том, что он таскал во время восстания патроны большевикам. Ержен Итбаев, председатель комитета алаш-ордынцев, грозил увольнением его со службы в земстве.

Вожди алаш-ордынцев начали разыскивать скрывавшегося Диньмухамеда. Его спрятал у себя Байдельдин.

Когда стало уже невозможно укрывать Диньмухамеда в Омске, Байдельдин увез его к себе, в степь, в Петропавловский уезд. Один из бежавших из тюрьмы, большевик Новиков, скрылся в доме Айтпеннова.

Поговорив еще немного, Курмангали, ушел, а на следующий день привел с собой Джанайдара. Опять порадовались и немного поговорили. Они принесли нам съестных припасов, хлеб и масло.

Русские товарищи также были рады им, и, когда они приходили, русские оживлялись не меньше нас. По их уходе расспрашивали:

- Ну, что говорят, что нового они принесли?

Джанайдара и Курмангали нам больше не удалось видеть, так как наши вагоны загнали в глухой тупик, куда ни одна душа не заглядывала. Иногда проходили одинокие фигуры железнодорожных рабочих, медленно проходил паровоз, тяжело пыхтя, обдавая и шипя парами, готовясь в дальнюю дорогу.

Паровоз проходит иногда очень медленно, а иногда он, торопясь, прибавляет ход. Тогда колеса стучат отчетливее, громче. Паровоз собирается увезти вагоны в далекие края. В одном вагоне рай, в другом ад. В одних вагонах публика укутана шелком, бархатом, сидит на мягком и не может насытиться жизнью, наслаж-

дается ею и пьянеет. В других вагонах такие же люди мучаются в холодном, грязном карцере, темном, как гроб.

Видя наслаждающихся, паровоз не радуется; видя мучающихся, он не жалеет. Паровоз везет и вагоны наслаждения и вагоны смерти. Если где-нибудь по дороге умрет арестант, выбросят труп, как ненужную вещь; паровоз не радуется, не печалится, ему все равно. Паровоз... Паровоз... Стук, стук, стук.

Наше положение в вагоне не изменилось, по-прежнему было плохо. Иней, лед, сырость, вода, мороз и завывающий ветер. Если затопим печь, то становится нестерпимо жарко. Там и тут начинает капать вода. Потухнет печь - опять холодно, опять иней и лед. Мрачная тюрьма по сравнению с нашим вагоном казалась нам раем. Когда я был еще ребенком, взрослые, внушая благочестие, описывали мне муки ада. Если замерзнешь, то бросят тебя в докрасна накалившую печь. Там настолько жарко, что к печке нельзя подойти ближе, чем на расстояние одного дня езды. Скажешь «жарко» - возьмут и бросят в вечно ледяную лаву. Там настолько холодно, что нельзя подойти к ней ближе, чем на один день езды. Скажешь «холодно» - опять в печку.

Такой ад был и в нашем вагоне. Но в нем еще было тесно и темно.

Два-три товарища заболели от голода и холода. Состояние Павлова хуже. Каждый день мечтаем попасть в омскую тюрьму. Но никому мы не нужны. Кажется, нас забыли и никто не тронет нас из вагона. Словно злой рок навис над нами, не хочет отпускать, и с каждым днем как будто становится злее и все больше и глубже вонзает в нас свои черные когти.

Уже две недели, как мы в Омске. Что будет впереди, никто не знает. Товарищи, ходящие с конвоирами за водой и хлебом, иногда, если представляется возможным, приносят от той же лавочницы и случайно встретившихся незнакомых друзей старые колчаковские газеты. Все номера газет походят один на другой. Пишут только то, что им угодно. Но все же замечается, что положение белых не очень-то радостное. На фронтах, если не отступают, то не видно, чтобы и наступали. В каждом номере газеты между строк можно уловить, что в местностях, занятых Колчаком, неладно. По Сибири, в Алтае, около Иркутска, в Енисейской губернии

крестьяне восстают против Колчака. Заметно также, что рабочие Сибири не спят.

Нам понадобились дрова, но у конвоиров их не оказалось. В это время медленно, пыхтя проходил мимо нашего вагона паровоз. Мы попросили конвоира взять дров у машиниста.

Машинист остановил паровоз и спросил:

- Что нужно?

- Не дадите ли дров арестованным двух этих вагонов? - обратился к нему солдат.

Машинист ответил: «Хорошо, пусть сами придут».

Из двух вагонов вышли по двое арестованных и в сопровождении двоих конвоиров подошли к паровозу. Товарищи скоро принесли дров. Паровоз все стоял. Товарищи вторично пошли. Набрали дров. Вагон заперли. Один из ходивших за дровами был тов. Шафран.

- Товарищи, знаете что... Мы говорили с машинистом, - сказал Шафран. - Он сначала спросил, кто мы такие. Мы сказали. Он тихо выругался и сказал: - «Потерпите еще немного, товарищи. Скоро и на нашей улице будет праздник. Все теперь ненавидят этих собак».

- Конвоиры не подслушали вас? - спросили мы.

- Нет. Они и не заметили. Эти как будто добрее тех, - ответил он.

Все трудящиеся были против Колчака. Массы ненавидели его. Даже мелкие торговцы, вроде знакомой нам лавочницы, ненавидели Колчака.

Иногда не удавалось получать газет, так как атамановы молодцы были разные - более «сознательные» не позволяли взять газету и ни с кем не разрешали говорить. Когда приходят солдаты добрее, - получаем и газеты, и случайно удастся перехватить кое-какие слухи.

Жизнь в вагоне становится все хуже и хуже. Наступающий день приносит нам все новые и новые сюрпризы. Всего не перескажешь.

Написали товарищам в город, указали место новой стоянки вагонов.

Но они не появлялись. Положение с каждым днем ухудшалось. На два дня выдавали по фунту хлеба. Все деньги вышли. Продавать было почти нечего. Для продажи последней одежды не давали возможности. Да и нет места, где бы можно было продать. Все ослабели.

Павлов умер. Он лежал все время спокойно и недолго мучился. Только в день смерти немного стонал. Ухаживали за ним столько, сколько позволяло нам наше положение. От смерти Павлова все приуныли. Но что мы могли сделать?

Прошло шестнадцать дней, как мы приехали в Омск. В вагон пришел офицер, бритый блондин среднего роста, с правильным носом. С ним - десяток солдат, все в форме отряда атамана Анненкова. Он вошел, из изящной кожаной сумки на боку достал бумагу и карандаш и сказал: «Я сейчас буду называть вас по фамилиям; чья фамилия будет сказана, тот должен говорить: «Я».

Он назвал всех. Некоторые товарищи, стоявшие близко к офицеру, жадно впились глазами в бумагу. Офицер сказал: «Сегодня вас отправляем, - все, что лишнее, должны сейчас же оставить».

Один-два товарища спросили:

- Куда поедем? Куда отправляете?

- Когда приедете - увидите сами, - сказал офицер. - Я сейчас еще раз сделаю перекличку. Кого называю, тот пусть покажет свои вещи.

Каждый, кого называл офицер, подходил, показывал одежду и постель. Все годное к употреблению офицер отбирал.

У некоторых были отобраны оставшиеся часы и обручальные кольца, хранившиеся как память друзей. Офицер брал в руки все, что ему нравилось, внимательно просматривал и отбирал, говоря: «Это лишнее».

На мне было казахское купэ (шуба). Она принадлежала Бакену, но носил ее я. Офицер ее отобрал. Он только подбородком давал знак к себе, говорил «беру» и отбирал. Солдаты забирали все, на что он указывал.

Все мы остались налегке. На мне - две рубашки, семинарская тужурка и поверх них на старом хорьковом меху бешмет казахского покроя.

Поверх брюк были надеты старые казахские шаровары из бараньих шкур. На ногах - казахские сапоги. На голове - вязаная шапка английского военного образца. Думаю, если это оставят, было бы неплохо.

После ухода офицера мы заволновались: куда повезут, в какую сторону отправят? Один из товарищей - не то Шафран, не то Трофимов сказал: «Я краешком глаза прочел ту бумажку. Там написано - в распоряжение штаба какого-то степного корпуса»,

Все мы были сильно озадачены. Лица товарищей омрачились, и каждый из нас чувствовал, что теперь дело примет гораздо худший оборот, чем прежде.

Все равно. Повезут нас куда-нибудь в штаб; передадут полевому суду, а там и к расстрелу всех. Никто не ждал лучшего.

Угрюмо сдвинув брови, мрачно сидели в темно-сыром вагоне, где веяло холодом, заставляя невольно дрожать всем телом.

Наступил вечер.

Как будто желая в последний раз полюбоваться знакомым мне вокзалом, я стал смотреть в щель на правой стенке вагона и различил двух рабочих, чем-то занятых. Больше не видно никого. Вблизи безмолвно стояли вагоны, и в наших вагонах было тихо. Снаружи слышался только говор рабочих между собою, и со стороны доносились грохот, стук и свист паровоза и трогаемых вагонов, обычные глухие звоны от ударов буферов во время прицепки. Ленивые, но сильные дыхания и разрывающие воздух свистки маневрирующих паровозов отдавались эхом в стороне.

Потемнело. Падали крупные снежинки, взвываясь и кружась под дуновением ветерка. День был не особенно морозный, но хмурый, небо облачное. Сквозь тихую пелену падающего снега, как сквозь качающуюся вуаль, мерцают разноцветные фонари. С тяжелым грохотом потрясая землю, шумно прошел поезд из Сибири, издал два-три свистка и остановился недалеко от нас. С таким же шумом и свистками, пыхтя и скрипя, прошел поезд в Сибирь.

Секунда тишины... Затем опять те же неустанные стуки и глухие звоны буферов, те же визгливые, оглушающие свистки и гудки, те же скрипы колес, отрывистый говор рабочих, непрерывный грохот и шум.

Объятые тяжелой думой, печально и молчаливо сидели мы в темном вагоне. Мы чувствовали себя людьми совершенно другого мира, за стеной нашего вагона - мир совсем иной, жизнь совсем другая, не похожая на нашу. Она как будто не знает нас и не хочет знать. Мы ей не нужны. Мы лишние. Она не хочет с нами иметь ничего общего. Она нас не касается и словно хочет пройти мимо нас...

Полночь... Мы сидим вокруг маленькой железной печки.

Тяжело болен Дризге. Он лежит молча, дышит тя-

жело. Состояние его с каждым днем ухудшается. Тяжелая смерть Павлова, настигшая его на голом полу грязного вагона, усиление болезни Дризге угнетающе действуют на нас. Мозг камнем давят тяжелые думы. Одни спят, другие облокотившись, сидят вокруг печки, задумчиво глядя на догорающие угли. Стена вагона опять остывает. Сильно дует сквозь щели.

В полночь послышались приближающиеся к нашему вагону шаги и чей-то говор. Часовой остановил идущих и стал их о чем-то расспрашивать. Поговорили, обошли кругом наш вагон и ушли. Немного погодя тихо подошел паровоз, наш часовой опять с кем-то заговорил. Потом к паровозу прицепили наши вагоны, он лениво потянул их вперед, прошел немного, остановился, вагоны снова были отцеплены. Несколько раз проделав такие маневры, нас повезли.

Прорезая черную тьму, гремя и пыхтя, шел наш стальной конь. Куда?.. Зачем?.. Стальной конь молчал.

Я опять прислонился к стене и прильнул к щели. Позади остался город, мигая глазами мерцающих фонарей. Ночь темная, не видно ни зги. Снег пошел сильнее. Забушевал ветер, хватал с поля снег, закручивал, взвивал его вверх и, кружась, налетал на поезд, ударялся о стены, стучал и барабанил по железной кровле, рвался в вагон, цепляясь за щели в стене, и, шипя и негодуя, обессиленный, уходил назад.

Поезд шел всю ночь, не останавливаясь нигде до рассвета.

Когда двери наших вагонов открыли, к нам хлынули свет и свежий воздух. Всех нас вывели. Наши товарищи из другого вагона вынесли на руках, как ребенка, обессиленного Хафиза.

- Что с ним случилось? Заболел, что ли? - бросились мы к ним.

- Что говорить... Он уже немного поправился, но все еще не может прийти в себя, - ответил подавленный горем Баймагамбет. Спустя мгновение, часовые снова загнали нас в вагоны. В наш вагон незаметно проскользнул Панкратов. Когда заперли дверь вагона, Панкратов рассказал нам:

- Ночью, по выезде из Омска, у нас разыгралась печальная история.

- Что случилось? - воскликнули мы.

Когда все наши сидели в глубоком молчании, Хафиз попросил у Баймагамбета перочинный нож. Баймагам-

бет ножа ему не дал, говоря, что его нож лежит далеко и достать его сейчас он не может.

Через некоторое время Хафиз начал храпеть и в бреду что-то говорить по-казахски. Баймагамбет подошел к нему и вскрикнул от ужаса:

- Ойбай, товарищи, он хочет убить себя!

Мы вскочили, подбежали к Хафизу и увидели его лежавшего в луже крови. Он нашел толстый гвоздь и прорезал вену у локтя. Хафиз был весь в крови. Мы перевязали рапу, некоторые товарищи упрекали его за покушение, другие успокаивали. Хафиз плакал. Потом, как бешеный, вдруг вскочил, подбежал к двери вагона и с диким криком стал стучать ногой в дверь. Он не утихал, рвался, кричал, выкрикивал какие-то слова и боролся. Несколько раз, вырываясь из наших рук, Хафиз подбегал к дверям и с яростью стучал в них ногой. Он не понимал и не слушал наших угроз и утешений, рвался и молил:

- Братья, отпустите меня, дайте мне умереть! Чем умереть от рук этих кровопийц и палачей, лучше умру сам. Отпустите меня - поломаю двери, прорвусь, умру. Сил моих больше нет.

Мы держали его и утешали. На какой-то станции во время остановки Хафиз опять вырвался из наших рук и с криком стал стучаться изо всей силы в дверь. Мы оттолкнули его назад. Снаружи послышался голос часового. Хафиз все рвался к дверям и сыпал руганью по адресу часовых. Через несколько минут дверь открылась и в сопровождении трех солдат вошел офицер.

- Что это такое? - зарычал он.

Увидев офицера, Хафиз опять стал бороться, рвался из наших рук и ругал офицера, Колчака и всю его власть. Офицер схватился было за саблю, но мы успокоили его, объяснив, что Хафиз болен и все это делает в бреду. Когда успокоенный офицер спрятал саблю в ножны, Хафиз обратился к нему с мольбой:

- Пожертвуй для меня одну пулю, не пожалей же, расстреляй меня, не мучь, расстреляй сразу!

Постояв немного, офицер вышел. Долго сидели мы с Хафизом. Только на рассвете он успокоился, но все же был без сознания.

Молча слушали товарищи рассказ Панкратова. Наконец кто-то спросил:

- Был у вас разговор о чем-нибудь по выезде из Омска?

- Да, было немножко, - ответил Панкратов.

- О чем говорили? - спросили мы.

- Да о том, что нас все равно расстреляют. Привезут ли к атаману Семенову, или к атаману Анненкову, безразлично, но песня наша уже спета.

Некоторые из товарищей покачали головами и задумчиво сказали о Хафизе:

- Да, не вытерпел бедняга.

Другие, понуриив голову, сидели молча.

Наш поезд с грохотом шел на восток, в глубину Сибири. Глубокий снег покрыл все кругом. Березы виднелись только до половины своего роста. Буран не утихал. Березы, шумя и волнуясь от ветра, сгибали верхушки, как будто посылали свое последнее «прощай» ехавшим навстречу смерти.

Дверь вагона теперь все время была плотно закрыта. Хлеб выдавали нам в два-три дня один раз, по четверти фунта в сутки на человека. Даже воды давали недостаточно. Дрова или каменный уголь приходилось брать в паровозах, стоявших на пути. Машинисты, к нашему счастью, не жалели топлива. Мы набирали его побольше и сидели все время у горячей печки. Золу рассыпали на пол. Голодные, мы сильнее жались к печке, словно питаюсь ее теплом. От жары пересыхало во рту и начиналась сильная жажда. Во время остановки поезда, стуча в дверь, мы просили воды, но конвоиры были глухи к нашим просьбам.

Глаза впали, к высохшим костям, как натянутый ремень, прилипла кожа. Лицо и руки давно забыли о воде. Утром, когда нас выводили освежиться, мы второпях терли руки и лицо холодным снегом. Лица, почерневшие от каменноугольной пыли, после растирания становились пестрыми. Спали на полу, около печки, доски от нар были почти все сожжены, остались те из них, на которых лежали больные. С каждым днем росло число больных - в обоих вагонах. В нашем вагоне особенно плох был Дризге. Несмотря на голод, мучивший всех, хлеб и воду раньше всех получали больные.

Однажды поздней ночью, когда большая часть товарищей спала на полу, у раскаленной печки сидели Шафран, Катченко, Ананченко и Котов. У всех лица были угрюмы. Они о чем-то беседовали. Я встал со своего места и подошел к ним. Говорил Шафран:

- Нас привезут куда-нибудь и перестреляют всех

или же уморят голодом в вагоне. Все равно нам теперь не остаться в живых.

Все согласились с ним.

- Если б нас намеревались судить, то посадили бы в тюрьму в Омске. Они везут нас, конечно, не для чего иного, как только убить.

Понуриив головы, некоторое время сидели молча.

Затем Шафран снова сказал:

- Нам во что бы то ни стало нужно бежать, иного спасения нет.

- Нам нужно найти какой-либо способ спрыгнуть с поезда на ходу и бежать. Как выскочишь из закрытого вагона, не имея никакого инструмента? - спросил Катченко. - Не можем же мы выломать дверь или пробить стену вагона. Кроме того конвоиры все время следят за нами. Если они заметят, то пропало дело.

- А если мы выломаем как-нибудь то место потолка, где просверлена дыра нашей печки? - спросил Котов.

Шафран встал с места и, качаясь, направился к железной затворке окна.

Он подошел к окну, некоторое время повозился с ним; вдруг железные ставни подались и приоткрылись. Шафран молча посмотрел на нас, как будто обращался с вопросом: «Видели?» Мы застыли на своих местах, глядя на открывшиеся ставни. Шафран с большой осторожностью сунул голову в окно, чтобы посмотреть на тот вагон, в котором ехали конвоиры. В этот момент раздался выстрел из винтовки. Шафран моментально отдернул свою голову обратно и выругался:

- Сукин сын, он, оказывается, все время следит за нами; прямо в голову прицелился. Собаки. Караулят все.

Прошла ночь. Утром на одной из остановок достали хлеба и воды; несколько утолили голод и жажду. Ехали целый день, в вагоне все время горела печка; потрескивал каменный уголь.

Опять наступил вечер.

Вдруг Нестор Монин, лежавший до сих пор без движения на нарах, быстро вскочил с места, уселся на край нар и закричал:

- Товарищи! Колчак бежал. Вот только сейчас проехал генерал Гайда.

Мы удивленно смотрели на него. Гайда, чехословацкий генерал, был командующим войсками. Его все хо-

рошо знали. Не было тогда газеты, в которой не фигурировало бы его имя.

Проговорив еще что-то, Монин соскочил с нар. Мы поняли, что заболел и Монин.

Когда его уложили, он поднял голову и крикнул:

- Да здравствует Советская Социалистическая Федеративная Республика!

Поезд бежит вперед. Наши руки и ноги от холода будто закованы в железо. В когтях безжалостного нашего врага мы как будто летим в бездонную пропасть. Непослушная, упрямая беда не дает нам пошевелиться, давит грудь...

С каждым днем увеличивается число больных в обоих вагонах.

По всей дороге от Омска нам часто попадались поезда, битком набитые войсками. Они проезжали мимо с криком и шумом, словно в них все пьяны. Одежда на солдатах грязная. Из некоторых вагонов доносились протяжные песни, мрачные, печальные и грустные, точно плач.

Прибыли в Ново-Николаевск¹. Наши вагоны вывели и отцепили. Куда-то далеко от вокзала, в сторону, на какой-то глухой путь. Так простояли день.

К вечеру мы послали шесть человек за дровами и водой. По нашей просьбе до возвращения товарищей двери вагонов открыли. Все столпились у дверей. Кое-где были видны проходившие люди, большей частью военные. Откуда-то пришел офицер, начальник наших конвоиров, и с ним еще три офицера. Все они были одеты шикарно: в блестящих сапогах со шпорами, на поясах револьверы и шашки, на рукавах костюмов значки, вышитые золотой тесьмой. Один из них был brunet высокого роста, у него на рукаве и на фуражке были вышиты человеческие черепа.

- Вы откуда, есть среди вас оренбургские? - спросил нас один из офицеров.

- Мы акмолинские, оренбургских нет.

Другой из них, пухленький, молодой, почти еще мальчишка, переспросил:

- Вы совдеповцы, кажется?

- Да! - ответили мы.

- А-а, «слободы» захотели?.. Сволочь! - с иронической улыбкой выругался он.

Мы промолчали. Офицеры ушли.

Из Ново-Николаевска нас повезли по направлению к Барнаулу. Мы узнали, что нас везут в Семипалатинск. Узнали также, что слова: «в штаб степного корпуса» значили не что иное, как в распоряжение Анненкова-

Поезд много стоит и очень мало идет.

Дризге умер. Он так же, как и Павлов, все время лежал молча.

Павлов при перевыборах Акмолинского совдепа был избран комиссаром финансов. В Акмолинске у него остались жена и четверо-пятеро детей.

Дризге был представителем Акмолинского ревтрибунала; был человек смелый, непоколебимый, политически развитый. В Акмолинск он приехал из Омска.

Мы сказали часовым о смерти Дризге. Солдаты, открыв дверь, приказали вынести труп.

За нашими вагонами был прицеплен порожний вагон. Конвоиры открыли дверь этого вагона; труп положили туда. Оказалось, что это был вагон, специально предназначенный для умерших. После того как отнесли труп, мы спели похоронный марш.

Немного спустя, скончался Монин. Он тяжело и долго болел, боролся со смертью. Товарищи еще больше пали духом. Жажда мести кипела в нас, разрывала сердца.

Тело Монина отнесли в тот же вагон. Родной брат Монина Яков при выносе трупа начал было плакать, но мы остановили его:

- Уходи отсюда! Разве сейчас время плакать?

Монин был акмолинский. Со дня свержения царя он совместно с Кривогузом руководил войсками. Он был членом президиума Акмолинского совдепа и комиссаром отдела контрибуции. Его любили у нас, как хорошего оратора, смелого и боевого человека. В Акмолинске остались старики - отец и мать - и молодая жена.

Приехали в Барнаул. В Барнауле достали немного хлеба и масла и подкрепились. Но голодным и высохшим мало помогла такая слабая пища. Больным и слабым мы уделили самое лучшее. Воду иногда мы имели, а иногда и не бывало ее. Здоровые, несмотря на жажду, берегли ее для больных.

В нашем вагоне среди больных особенно тяжелым было положение матроса Авдеева и крестьянина Милокумова. В другом вагоне скончались Мартынов и Плянковский, оба акмолинские. Мартынов раньше работал

¹Ново - Николаевск - Ныне Новосибирск.

на Спасском заводе, потом в деревне. Плянковский был мастер-кузнец. Оба состояли членами совдепа; у обоих в Акмолинске остались жена и дети. Плянковский перед самой своей кончиной сидел и пел «Марсельезу».

Атаманские «богатыри» нарочно хотели заморить нас голодом. Даже воды давали совсем мало. Вдобавок дорогой на многих станциях не находилось хлеба. В тот год хлеба было мало, да и крестьяне не хотели продавать свои продукты за колчаковские деньги, одни - по привычке к старым, другие - из ненависти к Колчаку. Мы об этом узнали, проезжая Барнаульский уезд, где на некоторых станциях конвоиры, несмотря на желание приобрести для нас хлеб, нигде его не могли достать.

На одной станции поезд задержался. Верстах в пяти от линии был виден поселок. Солдаты нашего конвойного отряда откуда-то достали пару лошадей, взяли с собой из каждого вагона по одному арестанту и поехали за хлебом в поселок. Спустя некоторое время, возвратились с хлебом. Большую часть хлеба конвоиры забрали себе, остальное разделили на два вагона. Оказалось, что крестьяне ответили было, что они и сами голодны, что у них нет хлеба. Но наши товарищи, выбрав момент, потихоньку сказали одному крестьянину, кто они. После этого мужики быстро собрали много хлеба и хотели продолжать собирать еще, но атаманские солдаты не захотели ждать. Когда уезжали из поселка, мужики скрежетали зубами вслед атаманским солдатам.

На станциях в Барнаульском уезде, когда товарищи ходили с конвоирами за хлебом и табаком, они приносили местную газету «Алтайский луч». Эта газета держалась более или менее против Колчака, по-видимому, ее издавали эсеры. Из газеты мы узнали, что президент Америки Вильсон в интересах спокойствия Европы созывает конференцию на Принцевых островах. На эту конференцию приглашаются представители белогвардейского правительства и одновременно представители советского правительства.

Газета рассказывала, что колчаковское правительство заявило: «Мы хотя и приглашены, но если на эту конференцию приглашены и большевики, то мы не будем присылать своего представителя».

Кроме того в газете говорилось:

«В России руководители партии эсеров и меньшеви-

ков, договорившись с руководителями большевистской партии, объединились и намереваются бороться против Колчака. По этому поводу руководитель эсеров Чернов обратился с воззванием восстать против Колчака. После соглашения с эсерами и меньшевиками большевики теперь согласились созвать учредительное собрание».

От таких новостей все наши товарищи оживились, особенно левый эсер тов. Трофимов. Он сказал мне:

- А-а, Сейфуллиныч, теперь хорошо! Теперь хорошо.

Судя по сообщению газеты, все рабочие-железнодорожники, все крестьяне, все кооперативные объединения были настроены против Колчака.

Правдивость этих сведений мы испытывали сами дорогой. Несмотря на свое тяжелое положение, несмотря на потерю товарищей, мы чувствовали радость.

- Теперь далеко не уйдешь, Колчак!

Эти слова невольно вырывались у многих из нас.

Крестьяне некоторых местностей Алтайской губернии восстали против Колчака. Восстание было подавлено. Руководитель восставших бежал в Алтайские горы и там укрылся.

В Барнауле, в губернском правлении кооперации, колчаковскими чиновниками произведен обыск и руководители правления посажены в тюрьму.

Газету «Алтайский луч» Колчак несколько раз запрещал, несколько раз газета платила штрафы и привлекалась к ответственности ее редактор. Но несмотря на все, газета издавалась без перерыва, каждый раз меняя свое название.

Когда мы выехали из Барнаула в Семипалатинск, наше положение опять ухудшилось. Не было хлеба, даже вода попадалась нам не ежедневно.

Когда нас выводили освежаться, мы приносили с собой снегу в мешке, из-под каменного угля. Снег таял у печи, грязной водой мы утоляли жажду.

Несколько дней подряд бушевал сильный буран. Поезд наш шел неровно. Машинист как будто нарочно не торопился. В нашем вагоне среди больных особенно плохо чувствовал себя Авдеев. Как-то раз он хотел было подойти к двери, но, обессиленный, остановился.

Среди нас самым мужественным и терпеливым был товарищ Катченко. За всеми нашими нуждами - табаком, дровами, хлебом и водой - ходил всегда он. Однажды, когда Катченко, получив разрешение кон-

воира, собирався иди на станцию за хлебом и табаком, Авдеев попросил:

- Катченко, достань стаканчик молока. Если найдешь, я не умру. Хоть кровью достань!

Катченко, принес молока, и, действительно, молоко поддержало Авдеева.

Большую помощь нашим больным оказывала единственная среди нас женщина, товарищ Кондратова, которая день и ночь ухаживала за больными. Временами Авдеева сводило судорогой, и, обессиленный, он лежал неподвижно, не в состоянии даже глотнуть воду. Тогда Кондратова выбирала место потеплее, укладывала Авдеева, грела его руки у своей груди и из своего рта поила больного водой.

Из Барнаула до Семипалатинска мы ехали долго. Воды совсем не стало, а конвоиры больше не давали нам возможности брать в вагон снегу. «Эх! Где же журчащие горные ключи, ручейки, через которые не раз шагал я?» - невольно думалось мне.

Наконец прибыли в Семипалатинск. Приехали мы на рассвете. Наши вагоны были оставлены на товарном дворе станции. Достав воды и утолив жажду, мы облегченно вздохнули. От станции верстах в двух виднелся город. Взошло солнце. Нас вывели из вагонов. Сегодня особенно не торопили. Подождав, пока мы как следуем уоемся снегом, опять посадили в вагоны, двери некоторое время не закрывали. Кругом, насколько хватал глаз, лежал глубокий снег. Покрытый белым снегом Семипалатинск издали не отличался от какого-нибудь большого поселка. Резкий блеск белого хрустального снега, смешавшись с золотыми лучами солнца, разбрасывал по сторонам тысячи искр. На товарной станции, подвозя к одному из вагонов на саях бараньи туши, возились несколько казахов.

Начальник конвоя с двумя солдатами отправился в город. Оставшийся начальник конвоя достал нам немного хлеба. Мы успокоились и гадали, что нас ожидает впереди. Всех охватила надежда на избавление от этих вагонов мученья.

До вечера мы пробыли на станции, с нетерпением ожидая, когда нас уведут отсюда.

Вечером офицер вошел к нам в вагон.

- Ну, приходится ехать обратно, сегодня отправляемся, - сказал он.

Мы удивились.

- Можно ли узнать, зачем возвращают и куда теперь повезут? - спросили мы.

- Приказано везти обратно. - Больше ничего не ответил офицер.

Дверь вагона заперли.

- Как же это так?.. Что это у них?.. Куда теперь повезут? - стали мы спрашивать друг друга.

«Очевидно, плохое положение самого Семипалатинска, поэтому-то и возвращают нас. Или сначала привезли в Семипалатинск нарочно: хотели заморить нас дорогой голодом. Теперь повезут в одну из глухих тюрем Сибири», - рассуждали мы.

Ночью выехали из Семипалатинска.

Пройдя немного, поезд замедлил свой ход и остановился. Затем опять тронулся и опять остановился. Долго простояв, опять поехали.

На следующий день забушевал буран. Всю дорогу занесло снегом. Кроме того и паровоз был в неисправности. Несмотря на усилия машиниста, поезд двигался очень медленно, часто останавливался, долго стоял на станциях. Буран продолжался три дня подряд. Теперь мы совсем ослабели. Три дня мы не видели хлеба, часто были и без воды.

Наконец буран прекратился, но заносы задерживали поезд.

Шел четвертый день, как мы не видели хлеба. Арестанты, подобно голодному зверю, взъерошились. Глаза еще глубже впали и потемнели.

- Чем умереть в таком положении, пусть перестреляют сразу. Нужно стучать в дверь, просить хлеба с водой, - предложил кто-то.

- Правильно! - подхватили все разом.

На остановке мы стали стучать ногами в дверь.

Конвоир крикнул:

- Что такое, что вам нужно?

Мы попросили хлеба и воды.

- Нет! - ответил тот.

- Выпустите нас хоть за снегом.

Конвоир выругался.

Мы снова стали бить в дверь.

- Эй! Не стучите, застрелю! - закричал конвоир.

- Перестреляй всех или же открой дверь и дай взять снегу! - закричали мы разом.

Начальник конвоя подошел к вагону и открыл дверь.

Товарищ Афанасьев сказал ему:

- Дай нам хотя бы взять снегу -

Мы выпрыгнули из вагона и стали накладывать в мешок снег. Конвоир торопил нас.

Афанасьев разозлился и не стал его слушать. Солдат, ругаясь, обратился к другим солдатам, сидящим в вагоне:

- А! Эй, выходите сюда. Они хотят бунтовать!- И затем, обратившись к нам с руганью, крикнул:

- Перестреляю всех! - и торопливо щелкнул затвором.

Афанасьев впился в него глазами.

- На, стреляй! - крикнул он и остановился перед солдатами. Солдат не стрелял. Вышел начальник конвоя и развел их.

Поезд тронулся. Выпили воду, полученную из разогретого снега. Поезд, пройдя немного, опять остановился. Открыли дверь и велели нам взять снегу. Тут поезд простоял долго. На помощь пришел еще один паровоз. Он несколько раз проходил мимо наших вагонов. Мы обратились к машинисту:

- Мы голодны... Мы большевики, арестанты... Окажите нам помощь!..

Спустя некоторое время из паровоза вылез загорелый человек, одетый в грязную черную борчатку, и направился к вагону конвоиров. Поговорив с начальником конвоя, он что-то передал ему. Оказалось - хлеб. Начальник, подойдя к нам, сказал:

- Этот хлеб передал вам вон тот человек, возьмите!

Товарищи сразу повеселели, радовались больше не хлебу, а оказанному вниманию.

Дверь вагона заперли, но скоро опять отперли и нам опять дали хлеб, принесенный тем же человеком.

На следующий день прибыли в Барнаул.

Катченко, забрав две-три подходящие одежды, отправился с конвоирами на станцию. Продав их, он возвратился с провизией - принес хлеба, колбасы, масла, табаку. Мы повеселели. Курящие кинулись к табаку, быстро закурили и стали жадно втягивать в себя дым. На лбах после первой затяжки выступили капельки пота.

После этого мы кое-как доехали до Ново-Николаевска. Дорогой умерли еще двое.

Нас привезли опять в Омск. В стороне от станции мы простояли двое суток.

Однажды утром товарищи отправились за водой на станцию, возвратившись рассказали:

- Какой-то хорошо одетый гражданин шел с нами и, дойдя до нашего вагона, повернул обратно, оглянувшись несколько раз.

После обеда Катченко еще раз сходил за водой и, возвратившись, почти шепотом сообщил:

- Тот человек опять здесь ходит. Посмотрите-ка!- он прильнул к щели в стене. Мы тоже бросились к щелям. Действительно, человек выше среднего роста, брюнет, одетый в шубу, прохаживался неподалеку от нашего вагона. Мимо него прошел другой, и мы услышали, как первый заговорил:

- В этих вагонах заключены люди. Все они голодные и высохшие. Они боролись за правду и вот попали в такое положение.

Слушавший на мгновение остановился, буркнул что-то и продолжал свой путь.

На следующий день, когда дверь вагона была открыта и мы получали свою порцию хлеба, мимо проходила какая-то женщина. Когда часовой стал запираť дверь, нам под ноги неожиданно упал узел. Мы удивленно оглянулись. Женщина почти бегом удалялась от нас.

Мы живо убрали узел и спрятали его. Когда дверь заперли, мы развязали узел. В нем оказался хлеб, колбаса и папиросы.

Тот, кто не бывал в таких крайних положениях, не может оценить значение даже небольшой помощи и содействия с воли. Человеку, находящемуся в отчаянии, они придают большую силу и неизмеримую радость. Через два дня нас повезли в лагерь.

Хамит в погоне за бандитом

I

Стояла осень тысяча девятьсот двадцать первого года. В уезде, где работал Хамит, шныряли бандиты. Небольшие шайки в два-три человека, вооруженные винтовками, револьверами, шашками, иногда и бомбами, бродили по уезду, как волки, потерявшие своих волчат, держа в постоянном страхе мирное население. Совсем недавно в уезде гремели ожесточенные бои с колчаковцами. Тревожно жилось людям по деревням и аулам. Противник то отступал под ударами Красной Армии, то снова наступал и, когда наконец окончательно был разбит и прогнан, люди вздохнули свободно. Но

не надолго - банды снова лишили уезд спокойного сна.

Шайки стремительно, как ветер, появлялись сегодня здесь, завтра там. Ночью либо ранним утром они, как бешеные волки, врываются в аулы, пугая женщин и детей. Заслышав стрельбу и дикие возгласы, жители в страхе поминали бога и готовы были отречься не только от своего скарба, но и от собственной души. Бандиты отбирали лучших коней и дорогую одежду. Попавшихся под руку мужчин они избивали прикладами до полусмерти, требуя спрятанные ружья и патроны, глумились над женщинами, убивали детей.

Прослышав о появлении милиционера в ауле, бандиты подкарауливали его, хватали ночью неожиданно и отбирали оружие. Охотились за коммунистами, за председателями волостных исполкомов, за всеми, кто помогал советской власти. Тех, кто пытался сопротивляться, рубили шашками на куски.

Скрываясь в лесах, не имея постоянных квартир и стоянок, они заранее намечали жертву, громили казахские аулы и русские поселки, носились с места на место, как взбесившийся вихрь, и всегда ускользали от расплаты. Их друзьями и вдохновителями были зажиточные мужики, кулачье, недовольное советской властью за протравку. Тайную помощь оказывали им казахские баи.

II

Хамит проснулся, как всегда, в восемь часов утра, вскочил с постели и подбежал к окну. Ночью прошел осенний прохладный дождь, и солнце сияло особенно ярко и радостно. Ясное утро всегда радовало сердце Хамита, создавало бодрое настроение на весь день. Он умылся холодной водой до пояса, смочил бритую голову и, подойдя к зеркалу, начал утираться полотенцем. Накануне он допоздна засиделся над бумагами и, кажется, плохо выспался - были воспалены глаза. «Не беда, пройдет», - подумал Хамит и, откинув голову назад, напружинив круглую шею, начал, как беркут, крутить головой во все стороны и бить ребром ладони по набухшим мускулам.

Он с детства любил гимнастику и даже в ауле, не стыдясь старших, делал по утрам зарядку. Привыкшее к ритмичным, размеренным движениям, его тело тре-

бовало всякого проявления силы: скачков, жимов, рывков. Однажды в Омске, в городском цирке, он увидел, как боролся его знаменитый земляк Хажи Мукан. Хамит познакомился с ним, сблизился и, восхищаясь непомерной силой Хажи Мукана, стал еще усерднее, ожесточеннее заниматься гимнастикой. Если в его квартире стояло большое зеркало и в комнате никого не было, Хамит раздевался до пояса и, делая трудные упражнения, смотрел, как напрягаются мышцы на руках, на груди. Он любовался своим телом, каждый играющий мускул радовал его сердце.

Хамит только что окончил зарядку, когда открылась дверь и хозяйка квартиры, черноволосая татарка, пригласила его к чаю. Не успел он дотпить первый стакан, как в комнату торопливо вошел рассылный Политбюро и сказал:

- Вас срочно вызывает начальник!

Вероятно, что-то случилось. Хамит служил в Политбюро, аккуратно являлся на занятия. Из дома его вызывали только в исключительных, весьма важных случаях. Оставив чаепитие, он поспешно оделся и заторопился на вызов.

Начальник Политбюро, высокий, худощавый, белокурый латыш в военной форме, пригласил Хамита к себе в кабинет и показал ему одно из срочных писем, полученных с утренней почтой.

- Придется, Хамит, тебе самому поехать. Переоденясь в одежду простого казаха и держи нос по ветру, постарайся разузнать все. Главное, действуй как можно быстрее. Мы пошлем еще одного верного человека в поселок Чиили. Он будет держать с тобой связь. А план действий - как мы с тобой договорились. Таков был приказ начальника.

- А от самого Сейсембаева есть известия? - поинтересовался Хамит.

- Нет, пока что он ничего не сообщал, - ответил начальник.

III

Инструктор уездного исполкома Сейсембаев поехал в Борлыкульскую волость с заданием расследовать беспорядки в волостном исполкоме. На обратном пути Сейсембаев остановился на ночлег в ауле хромого Акана, известного, богатого в прежние времена бая. Поздним

вечером, когда сам Акан, инструктор Сейсембаев и еще несколько почетных гостей расположились ужинать вокруг большого блюда с горячей, только что сваренной бараниной, открылась дверь и вошел Кудре, известный бандит, шнырявший по Борлыкульской волости. По словам знавших его казахов, он отличался огромной силой и бесстрашием - не боялся наставленной в упор винтовки. Людей убивал безжалостно, как щенят, виноватых и безвинных. И вот этот самый Кудре, отчаянный головорез, один-одинешенек явился в аул и вошел в дом самого хозяина аула, хромого Акана.

Он остановился у порога и, легонько помахивая револьвером, произнес:

- А ну, кто из вас инструктор исполкома? Выходи во двор на минутку!

Сейсембаев громко заплакал, прячась, упал за спину Акана и стал умолять его о защите. Хромым Акан спас его от смерти, он уговорил Кудре не трогать инструктора. Возможно, что Сейсембаев, отделившись испугом, постарался бы не оглашать всей этой картины, но кто-то тайно сообщил в Политбюро об этом позорном событии.

И вот теперь выследить знаменитого бандита, разузнать все его связи с аульными богачами и поймать его Политбюро поручило Хамиту. Не русский и не латыш, а только казах мог останавливаться в аулах, говорить с людьми, не вызывая подозрений, разгадывать каждый жест, запоминать каждое случайно оброненное слово.

В сопровождении пяти русских товарищей Хамит отправился в путь по большой столбовой дороге на Акмолинск. Не доезжая поселка Чиили, отряд остановился, чтобы разработать план операции, договориться о роли каждого и о связи друг с другом. Распределив обязанности, Хамит оставил товарищей и поехал один. Вскоре он свернул на дорогу в ближайший казахский аул.

Одетый в простую казахскую одежду и мерлушковый малахай, Хамит все-таки обращал на себя внимание - высокий, стройный, широкоплечий. У него был прямой нос, большие, чуть запавшие карие глаза. Бороду и усы Хамит не любил, сбрасывал. Красивый, крепко сбитый, он мерно покачивался в седле на сытом, выхоленном светло-буром жеребце и зорко поглядывал вокруг. Если бы он сжал свои железные пальцы, похо-

жие на когти беркута, и, грозно зарывав, кинулся бы на врага, - у того душа ушла бы в пятки!..

Первую ночь он провел в казахском ауле. В острожной беседе пытался завести разговор о бандитах, но ничего путного не добился ни от хозяина дома, ни от аульных жигитов. Утром поехал дальше.

К вечеру он добрался до аула хромого Акана и здесь узнал, что банды, которые хозяйничали поблизости, ушли в аулы, граничащие с Акмолинским уездом.

Хамит направился в ту сторону.

IV

Он ехал в густом лесу по старой заброшенной дороге. День стоял ясный и теплый, в просвете между вершинами деревьев виднелось безоблачное голубое небо. У края дороги высились тонкоствольные сосны, белые березки, изредка попадался стройный тополь, ронявший желтые осенние листья.

Хамит ехал один, зорко оглядывая густую чащу, словно пастух, проверяющий сохранность своего табуна. Изредка встречались просеки и широкие поляны с поблекшими травами. Кое-где стояли скирды сена. Местами попадались казахские зимовки, вокруг них пасся скот, и вдали виднелись войлочные кибитки.

Поляны, весной такие травянистые и радужные от цветов, похожие на драгоценные шелковые ковры, теперь поблекли и потеряли свою чарующую прелесть. Повсюду тишина и осенняя грустная неподвижность. Не слышно больше жаворонка, совсем недавно кружившегося над цветистыми полянами со звонкой песней о красоте цветов и душистых трав. Птицы уже не порхают с ветки на ветку, молчат животные, не слышно и людских голосов, таких радостных в летнюю пору, когда воздух пьянит своим ароматом.

Полинявшие, увядающие луга, степи и деревья с желтеющими листьями стояли в глубоком молчании, греясь в лучах косого осеннего солнца, словно доживая последние дни.

Если летняя пора похожа на стремительную, радостно волнующую симфонию, исполняемую многоголосым мощным ансамблем, то грустная осень напоминает отдаленную мелодию, игру одинокой скрипки или тонкострунного кобыза...

Стоял полдень. Конь шел малой рысью, в такт ша-

га мотая головой. Изредка среди деревьев мелькала тень очумело вскочившего зайца, с шумом из-под самых копыт лошади вспархивала лесная птица. Конь беспокойно фыркал и вразброд водил настороженными ушами. «Опасность чувствует», - с тревогой думал Хамит.

От вида увядающей природы Хамиту взгрустнулось. Он вспомнил свой далекий аул в степи, на юге Акмолинского уезда, вспомнил родную мать, и сердце наполнилось тоской и нежностью к ней. Когда в прошлом году он приехал домой, мать плакала, обнимая его. А он смеялся и говорил ей в утешение:

- Что ты, апа, не надо плакать! Ведь я не девчонка, правда? - мягко высвобождался из ее объятий.

«Эх, зачем я так сделал! Надо было покрепче прижаться к ней и подольше не выпускать из своих объятий. Ведь она моя единственная дорогая мама, - пожалел Хамит на мгновение и тотчас начал оправдывать себя: - Нельзя было поступить иначе. Какой же я жигит, если распущу слезы вместе с матерью, слабой женщиной? После моего отъезда она вспоминала бы о печали сына, глаза ее никогда бы не высыхали от слез, и страдания от разлуки со мной стали бы еще горше».

Он погрузился в воспоминания, но в этот момент конь вздрогнул и повернул голову вправо, настороженно кося фиолетовым глазом. Хамит огляделся.

Из густой чащи леса показался всадник на сером поджаром коне. Судя по одежде, это был русский, вероятно, работник лесной охраны.

Хамиту уже надоело лесное одиночество, и он, обрадовавшись случайной встрече, дернул повод вправо, направляясь к всаднику. Они поздоровались, Хамит - по-казахски, встречный всадник - по-русски. Тогда Хамит тоже стал говорить по-русски, намеренно коверкая слова:

- Э! Куда пошел, знаком?

- Лесничество Лисий бор, - ответил русский.

- Твоя нашальник? - опять спросил Хамит, тыча в него пальцем.

- Лесник, - ответил тот.

- А-а, нашальник, караул. Жаксы!

Кое-как переговорив, поехали вместе. Оказалось, что едут они в одном направлении. Леснику было лет тридцать, не больше. Огромный, широкоплечий, одетый в черную шинель, обутый в сапоги на толстой подошве,

он привычно, как-то подчеркнуто по-казахски, сидел на коне. Тонким прутиком поглаживал по крупу коня, подгоняя его.

«Этот русский очень смахивает на казаха», - подумал Хамит.

Всадники двигались не спеша, перекидываясь словами, и мирной беседе коротая время. Ехали рядом, седло к седлу. Вблизи, насколько хватал глаз, не было человеческого жилья. Хамит зорко приглядывался к окружающему, запоминая местность, стараясь удерживать в памяти перелески, поляны, овраги.

Он не заметил, как выехал вперед, залюбовавшись багряно-красными листьями тополей. И вдруг конь под ним шарахнулся в сторону. Хамит рывком обернулся. Одной рукой лесник крепко держал повод его коня, в другой поблескивал наган, направленный на него в упор. Хамит опешил, растерялся, не зная, что делать.

- Ой, што такой? Нашальник! - вскричал он.

У Хамита не было оружия он оставил его у товарищей, поехавших в Чиили. Он оцепенел, увидев перед своими глазами дуло нагана, перекошенное лютой злобой лицо и злые, змеинные глаза лесника.

- Слезай с коня! Быстро, не то застрелю! - вскричал лесник на чистом казахском языке.

Тысячи всяких мыслей, предположений пронеслись в голове Хамита.

- Слезай! - повторил лесник.

«Бандит? Грабитель? Что он сделает дальше?» - тревожно думал Хамит, слезая с коня.

Лесник отвел его коня на несколько шагов в сторону и остановился.

- Раздевайся! - крикнул он Хамиту, не опуская нагана.

Пошатываясь, Хамит снял верхний армяк, снял полушубок и остался в одном бешмете.

- Все, все снимай! - приказывал лесник, по-прежнему целясь в Хамита. - Бешмет и сапоги тоже!

Хамит медленно опустился на землю и ленивыми движениями начал стягивать тяжелые казахские сапоги. Скинул один сапог, скинул другой... Потом так же медленно снял с головы малахай и бросил его на землю. А мысли одна стремительнее другой проносились в его голове: «Ай, черт возьми, неужели я погиб! Если эта простой конокрад, которому понравился мой конь, так почему он не уезжает, а требует еще и одежду?

Он раздевает меня, он хочет захватить мою одежду чистой, не запачканной в крови. Это прожженный бандит, несомненно, из тех, что расстреливают свою жертву, раздев ее предварительно. Эх, разиня! Интересно, он нарочно выследил меня или случайно встретил? Как я оплошал! Надо же было отправиться без оружия да еще вступать в разговор. Доверился такому дьяволу... Но он без шайки, он один. И я тоже один! Правда, у него наган. Но лучше умереть львом, чем трусливым зайцем!».

Скинув сапоги, он поднялся и пошел к бандиту, расстегивая на ходу пуговицы бешмета. Бандит сидел на лошади, обернувшись в сторону Хамита и не опуская нагана. Хамит снял бешмет и, делая вид, что протягивает одежду бандиту, шагнул к нему еще ближе. Босой, в одном жилете поверх рубашки, он присел, напрягая стальные мышцы, и барсом метнулся на противника.

Грохнул выстрел.

«Мимо!» - успел подумать Хамит и цепко ухватился за дуло нагана. Бандит рванулся, но тщетно: Хамит словно прирос к оружию и обеими руками тянул его к себе, стараясь вырвать. Защищаясь, тот вынужден был отпустить поводья и упал на землю. Рукоять нагана оставалась в крепкой руке врага, дуло глядело на Хамита. Первый выстрел мог стать для него роковым. Но бандит не мог выстрелить, его палец окаменел от напряжения в кольце курка. Чтобы выстрелить, он должен дотянуться пальцем до спускового крючка, а для этого надо расслабить мышцы. Но тогда наган окажется в руках Хамита, который ни на мгновение не отпускал дула, вертел его из стороны в сторону, стараясь вырвать оружие из рук врага.

Лошади, всхрапнув, несколько мгновений испуганно смотрели на людей, но потом, чувствуя свободу, разбрелись, пощипывая траву. Густой лес молчал, ни одной живой души не было поблизости.

Два врага, как два разъяренных тигра, с налившимися кровью глазами, боролись за оружие. Оба понимали, что одному из них придется умереть сегодня, и каждому хотелось остаться в живых. Они яростно избивали друг друга, кусались, царапались, намертво прикованные к нагану обеими руками.

Изловчившись, Хамит присел и, подняв на своих

плечах врага, швырнул его на землю. Но тот не выпустил нагана и вцепился зубами в локоть Хамита. Хамит ударил его по скуле, высвободил руку и, схватив с головы бандита ушанку, отшвырнул ее прочь.

Бандит, крикнув, поднялся на ноги вместе с вцепившимся в него Хамитом. Он качнулся вправо, влево, словно набирая силу, могуче приподнял его и с силой бросил наземь. Хамит ударился спиной, по тут же ловко поднялся на ноги, не дав врагу возможности окатиться сверху.

Они дрались на поляне в смертельной схватке. Исса-рапанные и окровавленные, падали на траву и снова вставали в синяках и кровоподтеках. Одежда, разорванная в клочья, висела на них длинными лентами.

Хамит казался мальчиком рядом с великаном-бандитом, похожим на страшилище с жилистыми руками и широкими, как лопата, ладонями. Он грыз тело Хамита огромными, желтыми, как у лошади, зубами. Одетый в шинель, сам он был защищен от укусов.

Собравшись с силами, Хамит снова подмял противника под себя и свободной рукой начал его душить. Бандит вырывался, бил ногами о землю, как огромное животное, несколько раз ударил головой в лицо Хамита. Тогда Хамит вцепился зубами в ухо врага и начал рвать его, как гончая, схватившая волка. Бандит метался под ним, рычал и ревел, как загнанный зверь, и, выбрав момент, ударил Хамита локтем по глазам. Хамит выплонул из рта клочок откушенного уха, бандит громко застонал и невольно схватился за голову. Вражеская рука ослабла, и Хамит, почувствовав это, мгновенно выхватил наган и отбросил его в сторону.

Теперь они схватились друг за друга обеими руками и с новой силой продолжали борьбу. Наган лежал в нескольких шагах, и все усилия врагов были направлены на то, чтобы вырваться и первому добежать до оружия. Залитые кровью, они походили на резачков е городской бойни. Хамит надеялся на свою выносливость, бандит - на силу своего удара.

В стороне от кровавой схватки мирно паслись лошади. В одном месте лежала одежда Хамита, в другом ушанка бандита. Чуть поодаль валялся наган. И ни одной живой души вокруг - ни доброй, которая пришла бы на помощь Хамиту, ни злой, которая помогла бы бандиту. Молчит тихий, безлюдный лес, молчит синее небо...

Хамит решил в последний раз применить свой главный козырь - ловкость. Он долго защищался, не пытаясь нападать и тем самым накапливая силы. И вдруг, неожиданно схватив врага за ноги, он собрал последние силы, приподнял его и стремительным рывком бросил на землю. Руки бандита сорвались, разжались, и Хамит тотчас бросился к нагану. Не останавливаясь на бегу, помня, что бандит мог подняться и бежать следом, Хамит, как на жигитовке, на бегу подхватил наган и пробежал дальше. Обернувшись, он вскинул оружие и увидел врага неподалеку в странной позе: пригнувшись бандит сунул руку за пазуху, выхватил маленький браунинг и быстро зарядил его. Хамит прицелился дрожащими от усталости руками, но бандит выстрелил первым.

Хамит вздрогнул, ему показалось, что в плечо его ткнули горячим шилом. Он нажал курок, выстрелил и промахнулся. Помня, что браунинг поражает на коротком расстоянии, Хамит отбежал подальше, укрылся за стволом березы и начал тщательно целиться. Бандит смело поднялся навстречу, но Хамит выстрелил, и он упал.

Хамит пересчитал патроны - оставалось четыре.

Он увидел, как враг его, невредимый, прыжками побежал к своей лошади. Тогда Хамит не надеясь на оружие, побежал к своей, которая паслась в некотором отдалении. В это мгновение он услышал за спиной конский топот, обернулся и увидел, что бандит бесстрашно гонит коня прямо на него. Хамит поднял наган и стал ждать приближение врага, чтобы вострелить в упор, наверняка. Бандит круто повернул и скрылся в густой чаще леса.

Хамит поймал свою лошадь, оделся, увидев валяющуюся ушанку бандита, поднял ее и спрятал за пазуху.

День клонился к вечеру. Стало холоднее. Заходящее солнце окрасило багрянцем вершины деревьев. Мертвая тишина стояла в лесу. Весь день схватку врагов видели только лес, земля да синее небо...

Поставив наган на предохранитель, часто оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, Хамит погнал коня крупной рысью вперед. Он знал, что в пяти-шести верстах должен быть аулсовет Борлыккульской волости.

Он ехал, остывая после схватки и думая, что по

описаниям это был не кто иной как знаменитый бандит Кудре. Силач, высокого роста, широкоплечий... В Политбюро не было фотографии этой собаки, вот потому Хамит не узнал его сразу.

«Какой я еще глупый, - подумал он раздосадованно, - такую оплошность допустил!»

- Жаль! - сказал он громко. - Очень жаль!

Светло бурый конь бежал, пофыркивая и прося повода. Хамит вытер окровавленные руки о его гриву.

«Позор! Какой же я силач, если не мог одолеть одного бандита!...»

Он до боли сжал исцарапанные и искусанные кулаки и скрипнул зубами от досады. В этот момент он походил на беркута, только что победившего в единоборстве матерого волка...

Хамит вспомнил Хажи Мукана, степного богатыря, побеждавшего борцов с мировыми именами.

«Мартынов, Поддубный, Гане-Габан, Казбек-гора, - подумал Хамит, вспоминая силачей. - Хажи Мукан самый сильный!»

Оглянувшись по сторонам, он зычно, победно крикнул:

- Э-гей! Хажи Мука-ан! Победа наша!

Редактор А.Сулейменова. Художник Г.Сидоров,
Художественный редактор Б.Табылдиев. Технический редактор
Б.Турабаев. Корректор М.Кац.

Сдано в набор 8/VI 1971 г. Подписано к печати 30/VII 1971 г.

Бумага типографская № 1. 84X108¹/₃₂-3,0 п. л. = 5,04 усл. п. л.
(Уч.-изд. л. 5,53). Тираж 284000 экз. Цена 18 коп. Издат. № 538.

Заказ № 940. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.